

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

ЖЮЛЬ ВЕРН

THE MYSTERIOUS
ISLAND

BY
JULES VERNE

ЖЮЛЬ ВЕРН

Тайственный
остров

Иллюстрации
ЖЮЛЯ ФЕРА
И Н. КОНВЕРСА УАЙЕТА

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2017

УДК 821.161.1
ББК 84.(4Франц.)6-я5
В35

Перевод с французского
А. Худадовой и Н. Немчиновой

Рисунок на переплете
С. А. Григорьев

Верн Жюль
В35 Таинственный остров / Пер. с франц. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 585 с.: ил. — (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2369-9

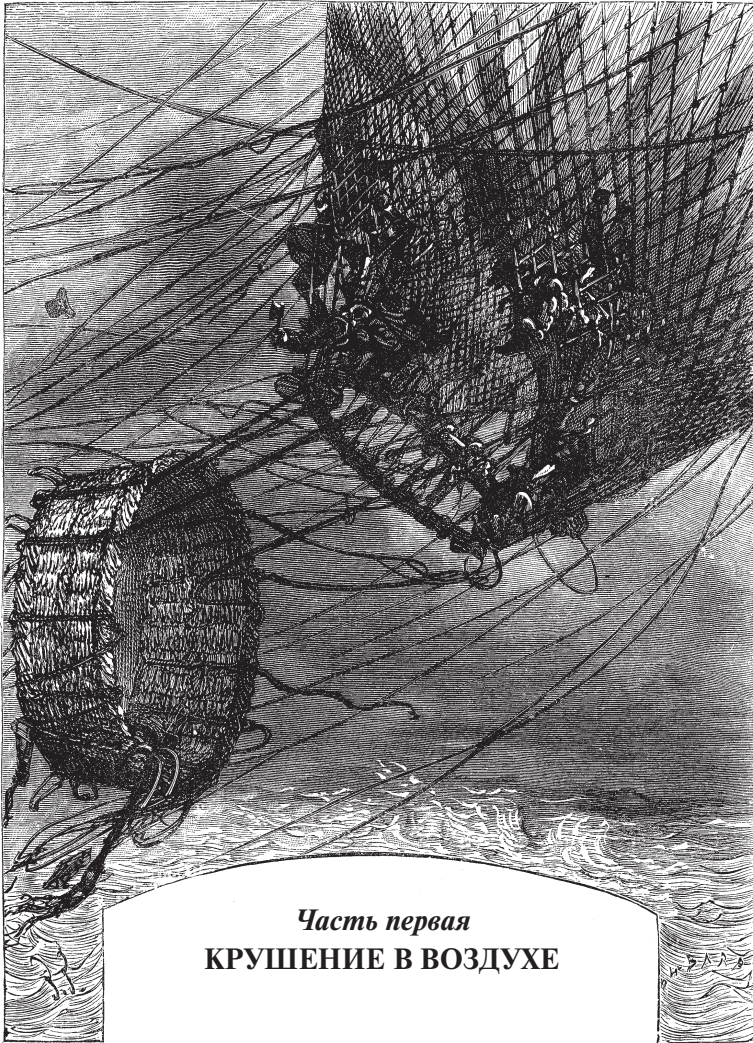
Пятерым отважным героям, бежавшим на воздушном шаре из плена и оказавшимся на необитаемом острове, приходится вернуться к истокам зарождения цивилизации и начать осваивать землю, как первобытным людям, отражать нападения диких зверей и врагов. Но у них есть знания современной науки и таинственный покровитель, который всегда приходит на помощь в тот момент, когда из ситуации нет выхода и у героев иссякают силы.

В настоящем издании воспроизводится комплект из 153 черно-белых иллюстраций Жюля Фера и 17 цветных иллюстраций Ньюэлла Конверса Уайета.

УДК 821.161.1
ББК 84.(4Франц.)6-я5

ISBN 978-5-9922-2369-9

© Н. Немчинова. Наследники, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

Часть первая
КРУШЕНИЕ В ВОЗДУХЕ

ГЛАВА I

*Ураган 1865 года. — Возгласы над морской пучиной. —
Воздушный шар, унесенный бурей. — Разорванная оболочка. —
Кругом только море. — Пять путников. — Что произошло в гондоле. —
Земля на горизонте. — Развязка драмы*

- Поднимаемся?
— Какое там! Книзу идем!
— Хуже, мистер Сайрес! Падаем!
— Боже мой! Балласт за борт!
— Последний мешок сбросили!
— Как теперь? Поднимаемся?

— Нет!

— Что это? Как будто волны плещут?

— Под нами море!

— Совсем близко, футов пятьсот.

Заглушая вой бури, прозвучал властный голос:

— Все тяжелое за борт!.. Все бросай! Господи, спаси нас!

Слова эти раздались над пустынной ширью Тихого океана около четырех часов дня 23 марта 1865 года.

Наверно, всем еще памятна ужасная буря, разыгравшаяся в 1865 году, в пору весеннего равноденствия, когда с северо-востока налетел ураган и барометр упал до семисот десяти миллиметров. Ураган свирепствовал без передышки с 18 по 26 марта и произвел огромные опустошения в Америке, в Европе и в Азии, захватив зону шириною в тысячу восемьсот миль, протянувшуюся к экватору наискось от тридцать пятой северной параллели до сороковой южной параллели. Разрушенные города, леса, вырванные с корнем, побережья, опустошенные морскими валами величиною с гору, выброшенные на берег корабли, исчислявшиеся сотнями по сводкам бюро *Veritas*, целые края, превращенные в пустыни губительной силой смерчей, все сокрушавших на своем пути, многие тысячи людей, погибших на суше или погребенных в пучине морской, — таковы были последствия этого грозного урагана. Разрушительной силой он превзошел даже бури, принесшие ужасные опустошения в Гаване и в Гваделупе, 25 октября 1810 года и 26 июля 1825 года.

Но в мартовские дни 1865 года, когда на суше и на море творились такие бедствия, не менее страшная драма разыгралась в воздухе, сотрясаемом бурей.

В самом деле, ураган подхватил воздушный шар, подбросил его, как мяч, на вершину смерча и, завертев вместе со столбом воздуха, помчал со скоростью девяноста миль в час¹; шар волчком вращался вокруг собственной оси, как будто попал в некий воздушный мальстрим.

Под нижним обручем сетки воздушного шара колыхалась плетеная гондола, где находились пять человек, — их едва можно было различить в густом тумане, смешанном с водяной пылью и спускавшемся до самой поверхности океана.

Откуда же несся этот аэростат, жалкая игрушка неумолимой бури? Из какого уголка земного шара ринулся он в небеса? Несомненно, он не мог пуститься в путь во время урагана. А ведь ураган бушевал уже пять дней, — его первые признаки дали о себе знать 18 марта. Были все осно-

---

¹ То есть 46 метров в секунду, или 166 километров в час (около сорока двух лье, считая в одном лье 4 километра). (Прим. автора.)

вания предположить, что этот воздушный шар примчался издалека, ибо он, вероятно, пролетал не менее двух тысяч миль в сутки.

Путники, находившиеся в гондоле, не имели возможности установить, далекий ли путь они совершили и куда занесло аэростат, — для этого не было у них ни единой вехи. Вероятно, они испытывали на себе чрезвычайно любопытное явление: несясь на крыльях свирепой бури, они ее не чувствовали. Шар уносило все дальше, а пассажиры не ощущали ни его вращательного движения, ни бешеного перемещения по горизонтали. Глаза их ничего не различали сквозь облака, клубившиеся под гондолой. Вокруг них все застилала пелена тумана, такого плотного, что они не могли бы сказать — день это или ночь. Ни единого отблеска небесных светил, ни малейшего отзвука земных шумов, ни хотя бы слабого отгула ревущего океана не доходило до них среди безмерной тьмы, пока они летели на большой высоте. И лишь когда шар стремительно понесся вниз, они узнали, что летят над бушующими волнами, и поняли, какая опасность грозит им.

Но как только сбросили весь груз, имевшийся в гондоле — запас патронов, оружие и провиант, шар вновь поднялся и полетел на высоте четырех тысяч пятисот футов. Услышав, как плещет под гондолой море, путники сочли, что вверху для них меньше опасности, и без колебаний выбросили за борт даже самые нужные вещи, ибо старались всячески сберечь газ — эту душу своего воздушного корабля, несшего их над безднами океана.

Ночь прошла в тревогах, которые были бы смертельны для людей менее мужественных. Наконец занялась заря, и, лишь только забрезжил свет, ураган как будто стал стихать. 24 марта с самого раннего утра появились признаки затишья. На рассвете нависшие над морем грозовые тучи поднялись высоко. За несколько часов воронка смерча расширилась, и столб его разорвался. Ураган превратился в «очень свежий ветер», то есть скорость перемещения слоев воздуха уменьшилась вдвое. Все еще, как говорят моряки, дул «ветер на три рифа», но разбушевавшиеся стихии почти успокоились.

К одиннадцати часам утра небо почти очистилось от туч, во влажном воздухе появилась та особая прозрачность, которую не только видишь, но и чувствуешь после того, как пронесется сильная буря. Казалось, ураган не умчался далеко, на запад, а прекратился сам собою. Может быть, когда разорвался столб смерча, буря разрешилась электрическими разрядами, как это бывает иной раз с тайфунами в Индийском океане.

Но в тот же самый час пассажиры воздушного шара вновь заметили, что они медленно, но непрерывно спускаются. Оболочка шара постепенно съеживалась, вытягивалась, и вместо сферической формы аэростат принял яйцеобразную форму.

К полудню он уже летел над морем на высоте двух тысяч футов. Объем шара равнялся пятидесяти тысячам кубических футов; благодаря таким размерам он и мог так долго продержаться в воздухе, то поднимаясь вверх, то плывя по горизонтали.

Чтоб облегчить вес гондолы, путники уже выкинули за борт последние сколько-нибудь тяжелые предметы, выбросили оставленный было малый запас пищи и даже все, что лежало у них в карманах; затем один из пассажиров взобрался на нижний обруч, к которому была прикреплена веревочная сетка, защищающая оболочку шара, и попробовал плотнее привязать нижний клапан аэростата.

Стало ясно, что удержать шар в высоте уже невозможно, — для этого не хватало газа.

Итак, всех ожидала гибель!

Внизу был не материк, не остров, а ширь морская. Нигде не было хотя бы клочка суши, полоски твердой земли, за которую мог бы зацепиться якорь аэростата.

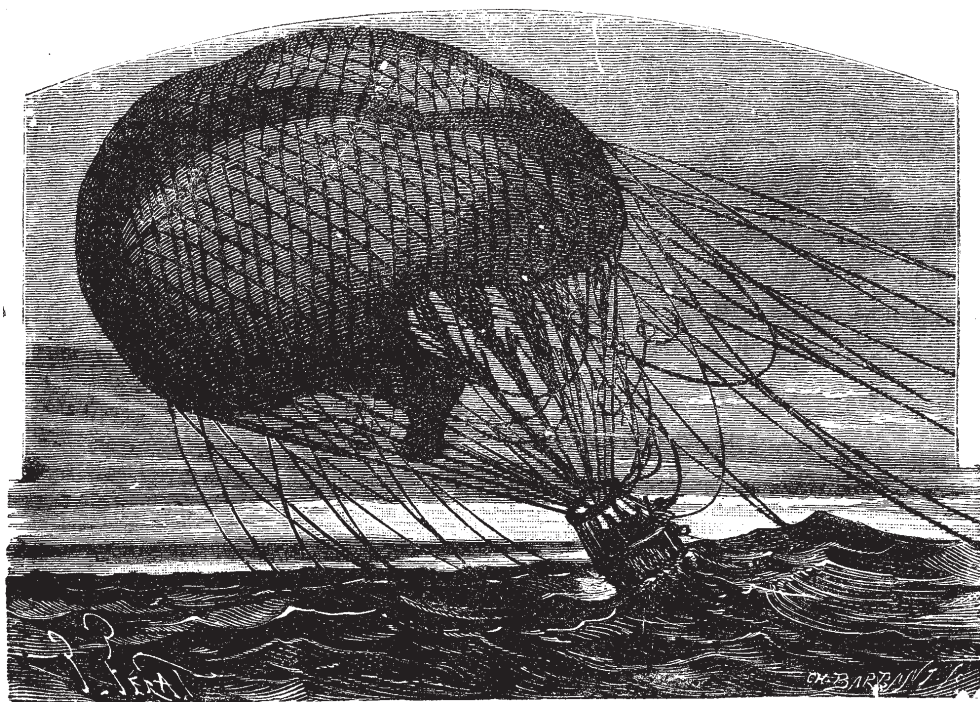
Кругом только море, все еще с непостижимой яростью перекатывавшее волны. Куда ни кинешь взгляд — везде только беспредельный океан; несчастные аэронавты, хотя и смотрели с большой высоты и могли охватить взором пространство на сорок миль вокруг, не видели берега. Перед глазами у них простиралась только водная пустыня, безжалостно исхлестанная ураганом, изрытая волнами, — они неслись, словно дикие кони с разметавшейся гривой; мелькавшие гребни свирепых валов казались сверху огромной белой сеткой. Не было в виду ни земли, ни единого судна!

Остановить, во что бы то ни стало остановить падение аэростата, иначе его поглотит пучина! Люди, находившиеся в гондоле, употребляли все усилия, чтобы поскорее добиться этого. Но старания их оставались бесплодными — шар опускался все ниже, вместе с тем ветер нес его с чрезвычайной быстротой в направлении с северо-востока на юго-запад.

Путники оказались в ужасном положении. Сомнений не было — они утратили всякую власть над аэростатом. Все их попытки ни к чему не приводили. Оболочка воздушного шара съеживалась все больше. Газ выходил из нее, и не было никакой возможности удержать его. Спуск заметно ускорялся, к часу дня гондолу отделяло от поверхности океана расстояние только в шестьсот футов. А газа становилось все меньше. Он свободно улетучивался сквозь разрыв, появившийся в оболочке шара.

Выбросив из гондолы все, что там находилось, путникам удалось продержаться в воздухе несколько лишних часов. Но это было лишь отсрочкой неизбежной катастрофы: если до ночи не появится в виду земля — и шар и гондола канут в бездну океана.

Шар по-прежнему несло ветром к юго-западу.

Оставалось испытать только одно средство, и путники прибегли к нему, показав себя людьми энергичными и отважными, которым не раз приходилось смотреть смерти в глаза. Ни малейшего ропота не сорвалось с их уст. Они решили бороться до последней минуты и всеми мерами пытаться замедлить падение шара. Гондола представляла собой нечто вроде плетеной корзины и, конечно, не могла плавать: стоило ей упасть в воду, она сразу бы затонула.

К двум часам дня аэростат оказался уже на расстоянии четырехсот футов от поверхности океана.

И тогда раздался мужественный голос — голос человека смелого, чье сердце не ведает страха. На оклик его ответили голоса не менее решительные.

— Все выбросили?

— Нет! Осталось золото — десять тысяч франков!

И тотчас тяжелый мешок полетел в океан.

— Поднялся шар?

— Чуть-чуть. Сейчас опять упадет!

— Что еще можно выбросить?

— Ничего!

— Ничего? А гондола?

— Цепляйтесь все за сетку. А гондолу в воду!

Действительно, оставалось только это единственное и последнее средство облегчить шар. Веревки, которыми гондола была привязана к обручу сетки, перерезали, и, лишь только гондола оторвалась, аэростат поднялся на высоту в две тысячи футов.

Пятеро путников вскарабкались выше обруча и теперь держались в ячейках сетки, уцепившись за веревки. Все пятеро смотрели вниз, туда, где ревел океан.

Известно, какой необыкновенной чувствительностью отличается лобой аэростат. Уменьшите хоть немного его груз, и шар сразу поднимется высь. Аэростат, парящий в воздухе, своей чувствительностью подобен математически точным весам. И вполне понятно, что, если шар избавится от довольно тяжелой гондолы, он тотчас взлетит на значительную высоту. Так и произошло в данном случае.

Но, продержавшись одно мгновение вверху, аэростат опять стал спускаться. Газ утекал сквозь дыру в оболочке, и повреждение невозможно было исправить.

Путники сделали все, что могли, и теперь уж никакие силы человеческие не спасли бы их. Надежда была только на чудо.

В четыре часа дня шар оказался всего лишь на высоте пятисот футов от поверхности океана.

Вдруг послышался громкий лай. Путники взяли с собой собаку, и теперь она находилась в сетке аэростата рядом со своим хозяином.

— Топ что-то увидал! — воскликнул один из пассажиров.

И тотчас раздался громкий возглас:

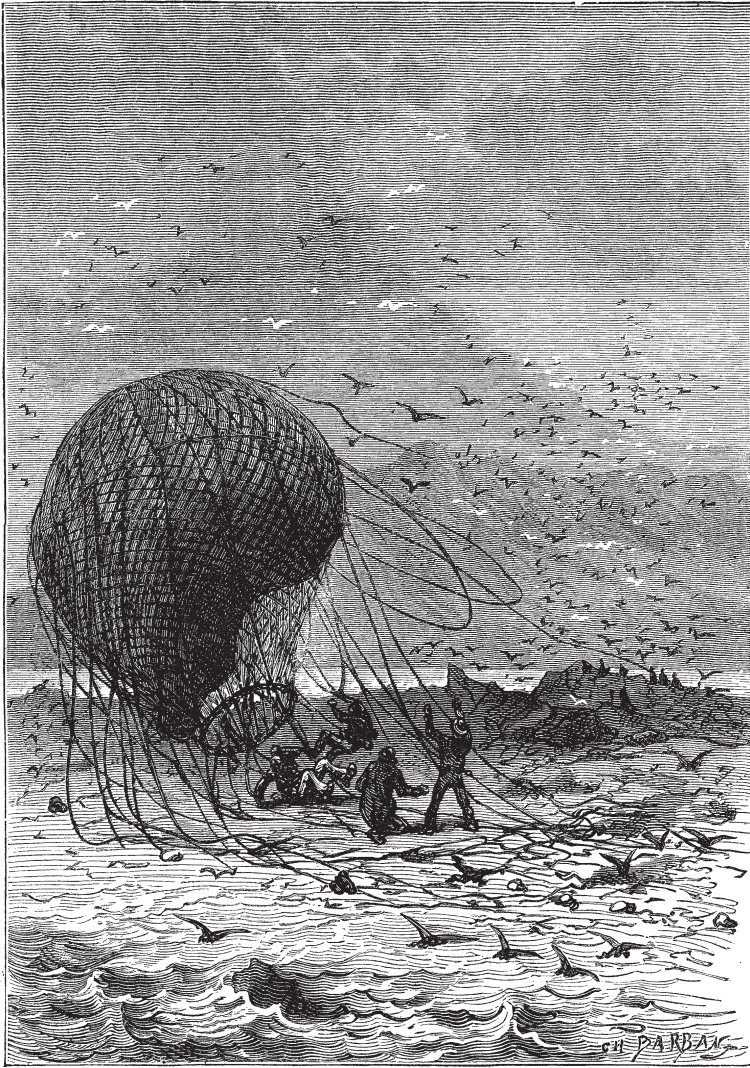
— Земля! Земля!

Шар по-прежнему несло ветром к юго-западу; с рассвета он уже пролетел сотни миль, и действительно перед путниками возник довольно высокий берег.

Но земля эта находилась на расстоянии тридцати миль. Достигнуть ее аэростат мог по меньшей мере через час, да и то при условии, что ветер не переменится. Через час! А что, если до этого срока утечет весь оставшийся газ?

Вопрос ужасный! Несчастные воздухоплаватели ясно различали сушу. Они не знали, остров это или материк, едва ли представляли себе, в какую часть света их занесло бурей. Но пусть даже вместо гостеприимной земли перед ними был необитаемый остров, до него необходимо было добраться любой ценой.

Однако в четыре часа дня стало совершенно очевидно, что шар больше держаться в воздухе не может. Он летел, касаясь поверхности воды. Гребни

Ветер швырнул наконец шар на песчаный берег.

огромных валов не раз лизали нижние ячейки сетки, она намочла, отяжелела, и аэростат едва приподнимался, как птица с перебитым крылом.

Полчаса спустя до берега оставалось не больше мили, но в аэростате газ уже почти весь иссяк и держался только в верхней части дряблой, сплюсненной оболочки, свисавшей крупными складками. Пассажиры, ухватившиеся за сетку, стали для шара непосильной ношей, — вскоре он наполовину погрузился в воду, и разъяренные волны принялись стегать по нему. Оболочку выгнуло горбом, и ветер, надув ее, помчал по воде, словно парусную лодку. Казалось, вот-вот он достигнет суши.

И действительно, он был уже в двух кабельтовых от берега, как вдруг у четырех путников вырвался крик ужаса. Взметнулся грозный вал, и шар, как будто уже лишившийся подъемной силы, неожиданно взлетел вверх. Словно избавившись от какой-то части своего груза, он поднялся на тысячу пятьсот футов, но тут попал в воздушную воронку, его закрутило ветром и понесло уже не к суше, а почти параллельно ей. Но минуты через две ветер переменился и швырнул наконец шар на песчаный берег, где он оказался недосягаемым для волн.

Путники помогли друг другу выбраться из опутавшей их сетки. Шар, освободившись от отягчающего бремени, взлетел при первом порыве ветра и, словно раненая птица, на миг вернувшись к жизни, взмыл вверх и исчез в небесном просторе.

В гондоле аэростата было пятеро путников и собака, но на берег выбросило только четыре человека.

Тот, кого не хватало, очевидно, был смыт волной, что облегчило груз аэростата, позволило ему подняться в последний раз и несколько мгновений спустя достигнуть суши.

Но лишь только потерпевшие крушение (их вполне можно назвать так) ступили на землю, — все четверо, не видя пятого спутника, воскликнули:

— Может быть, он пытается добраться вплавь... Спасем его! Спасем!

ГЛАВА II

Эпизод Гражданской войны в США. — Инженер Сайрес Смит. — Геден Спилет. — Негр Наб. — Моряк Пенкроф. — Юный Герберт. — Неожиданное предложение. — Свидание в десять часов вечера. — Отлет в бурю

Люди, которых ураган выбросил на какой-то далекий берег, не были аэронавтами-профессионалами или любителями воздушных путешествий. Их держали в заключении как военнопленных, и прирожденная отвага побудила их бежать из плена при обстоятельствах весьма необычайных! Сто раз они могли погибнуть! Сто раз аэростат с разорвавшейся оболочкой мог сбросить их в бездну. Но Небо уготовало им удивительную участь. Двадцатого марта путники уже находились в семи тысячах миль от Ричмонда, осажденного войсками генерала Улисса Гранта, — они бежали из этой столицы штата Виргиния — главной крепости сепаратистов в дни ужасной Гражданской войны. Воздушное их путешествие продлилось пять дней.

Вот при каких любопытных обстоятельствах произошло бегство пленников, закончившееся катастрофой, о которой мы уже рассказали читателям.

В 1865 году, в феврале месяце, во время одного из штурмов, при помощи которых генерал Грант тщетно пытался завладеть Ричмондом, несколько офицеров федеральной армии попали в руки неприятеля и были интернированы в этом городе. Один из наиболее примечательных пленников состоял при главном штабе армии Гранта, звали его Сайрес Смит.

Сайрес Смит, уроженец Массачусетса, по профессии инженер, был первоклассным ученым; во время войны правительство Соединенных Штатов доверило ему управлять железными дорогами важного стратегического значения.

Худой, костлявый, сухопарый, он и по внешности мог считаться настоящим североамериканцем, и хотя ему было не больше сорока пяти лет, в его коротко остриженных волосах блестела седина; серебряные нити проглядывали бы и в бороде, но Сайрес Смит не носил бороды, оставляя только густые усы.

Лицо у него поражало суровой красотой и чеканным профилем — такие лица как будто созданы для того, чтобы их изображали на медалях; глаза горели огнем энергии, строгие губы редко улыбались, — словом, у Сайреса Смита был облик ученого, наделенного духом воителя. Он принадлежал к числу тех инженеров, которые в начале своей карьеры по доброй воле орудовали молотом и киркой, уподобляясь генералам, начавшим военную службу рядовыми. Поэтому неудивительно, что при исключительной изобретательности и остроте ума у него были и очень ловкие, умелые руки. Развитая мускулатура указывала на его большую силу. Это был человек дела и вместе с тем мыслитель; он действовал без всякого усилия над собой, движимый неукротимой жизненной энергией, отличался редкостным упорством и никогда не страшился возможных неудач. Большие познания сочетались у него с практическим складом ума и, как говорят солдаты, с большой сметкой; к тому же он выработал в себе замечательную выдержку и ни при каких обстоятельствах не терял головы, — короче говоря, у него в высокой степени развиты были три черты, присущие сильному человеку: энергия физическая и умственная, целеустремленность и могучая воля. Он мог бы избрать своим девизом слова, сказанные в XVII веке Вильгельмом Оранским:

«Предпринимая что-либо, я не нуждаюсь в надеждах; упорствуя в своих действиях, не нуждаюсь в успехах».

Вместе с тем Сайрес Смит был олицетворением храбрости. Он участвовал во всех боях Гражданской войны. Начав службу под командой Улисса Гранта в отряде волонтеров Иллинойса, он сражался под Падьюкой, Белмонтом, Питсбургом-Лендингом, при осаде Коринфа, у Порт-Гибсона, у Черной Реки, под Чаттанугой, близ Уайльдернесса, на Потомке — и повсюду сражался доблестно, как солдат, вполне достойный генерала Гранта, который на вопрос о потерях ответил: «Я своих убитых не

подсчитываю». Сто раз Сайрес Смит мог оказаться в числе тех, кого не подсчитывал грозный полководец, но, хоть он и не щадил себя в этих битвах, ему везло до того дня, когда он получил ранение под Ричмондом и был взят в плен.

Вместе с Сайресом Смитом в тот же день попал в руки южан и другой выдающийся человек — не кто иной, как Гедеон Спилет, специальный корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд», прикомандированный к армии северян для того, чтобы следить за перипетиями войны.

Гедеон Спилет принадлежал к той удивительной породе репортеров, по преимуществу англичан и американцев, которые по примеру Стенли и ему подобных не отступают ни перед чем, лишь бы добыть точные сведения о злободневном событии и поскорее сообщить их в свою газету. В Соединенных Штатах такие крупные газеты, как «Нью-Йорк геральд», стали подлинной силой, и с их представителями, «специальными корреспондентами», приходится считаться. Гедеон Спилет занимал одно из первых мест среди этих «специальных корреспондентов».

Человек весьма достойный, энергичный, подвижной и решительный, журналист, объехавший весь свет, солдат и художник, кипучий ум, способный во всем разобраться, натура предприимчивая и деятельная, Спилет не боялся ни труда, ни усталости, ни опасностей, когда ему хотелось что-нибудь «узнать», — прежде всего для самого себя, а затем для своей газеты. Это был сущий герой любознательности, неутомимый искатель новых сведений, всего неизведанного, неизвестного, невозможного, невероятного, — один из тех отважных наблюдателей, которые пишут газетные заметки под свист пуль, составляют «хронику» под пролетающими ядрами и считают любую опасность увлекательным приключением.

Он тоже участвовал во всех боях, всегда был на передовых позициях с револьвером в одной руке, с записной книжкой в другой, и под градом картечи карандаш не дрожал в его руке. Не в пример тем репортерам, которые особенно красноречивы, когда им нечего сказать, он не занимал телеграфные провода нескончаемыми депешами, но каждая его заметка, краткая, точная, ясная, всегда проливала свет на какое-нибудь важное событие. Кстати сказать, он не был лишен юмора. Это он после боя у Черной Реки, желая во что бы то ни стало сохранить свою очередь у окошечка телеграфа и сообщить в газету об исходе сражения, в течение двух часов передавал по телеграфу первые главы Библии. Такой трюк обошелся «Нью-Йорк геральду» в две тысячи долларов, но зато газета первая получила информацию.

Гедеон Спилет был высокого роста и еще не стар — лет сорока, не больше. У него были рыжеватые бакенбарды. Живые, быстрые глаза смотрели спокойно и уверенно. Такие глаза бывают у людей, привыкших

Геден Спилет

мгновенно схватывать все подробности открывающейся взору картины. Сложения он был крепкого, да еще закалился, путешествуя под различными широтами, — так закаляют холодной водой раскаленный стальной брусок.

Уже десять лет Геден Спилет состоял постоянным корреспондентом «Нью-Йорк геральда» и обогащал газету своими заметками и рисунками, — он одинаково хорошо владел пером литератора и карандашом рисовальщика. В ту минуту, когда его захватили в плен, он описывал ход сражения и делал наброски. Заметки в его записной книжке оборвались на следующих словах: «Неприятель прицеливается в меня и...» Стрелок

промахнулся: Гедеон Спилет, как всегда, вышел из жаркого боя без единой царапины.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет знали друг друга только понаслышке... Обоих переправили в Ричмонд. Инженер быстро оправился от своей раны и во время выздоровления познакомился с журналистом. Они почувствовали взаимное уважение и приязнь. Вскоре их соединила цель, неотступно стоявшая перед ними. Оба хотели только одного: бежать, вернуться в армию Гранта и вновь сражаться в ее рядах за федеральное единство.

Два друга решили воспользоваться для бегства любыми благоприятными обстоятельствами, но, хотя в Ричмонде они жили на свободе, город так строго охранялся, что побег следовало считать невозможным.

В то время к Сайресу Смиту ухитрился пробраться безгранично преданный ему слуга. Этот отважный человек, увидевший свет на ферме родителей инженера, был негр, сын невольников и сам невольник, но Сайрес Смит, будучи по убеждению и по голосу сердца противником рабства, дал негру вольную. Раб, став свободным, не пожелал расстаться со своим хозяином. Он горячо его любил и готов был умереть за него. Ему шел тридцать первый год, он был сильный, проворный, ловкий и сообразительный человек, кроткий и спокойный, порой очень наивный, всегда улыбающийся, услужливый и добрый. Его звали Навуходоносор, но он не любил этого пышного имени и предпочитал ему привычное с детства уменьшительное имя — Наб.

Узнав, что господин его попал в плен, Наб без колебаний покинул Массачусетс, добрался до Ричмонда и при помощи всяческих хитростей, двадцать раз рискуя жизнью, проник в осажденный город. Невозможно передать словами радость Сайреса Смита, увидевшего своего слугу, и счастье Наба, соединившегося с любимым хозяином.

Итак, Набу удалось проникнуть в Ричмонд, но куда труднее было выбраться оттуда, так как военнопленные солдаты федеральной армии находились под строжайшим надзором. Для попытки к побегу, дававшей хотя бы малую надежду на успешный ее исход, приходилось ждать исключительных обстоятельств, но такие обстоятельства все не возникали, а создать их было не так-то легко.

Тем временем Грант продолжал вести решительные военные действия! В жарком бою с южанами под Петерсбергом он одержал победу. Но соединенные силы его армии и войска Бутлера пока еще ничего не могли добиться в осаде Ричмонда, и ничто не предвещало близкого освобождения военнопленных. Однообразная жизнь узника не давала репортеру никакой пищи для заметок, и он уже не в силах был ее выносить. Его не оставляла мысль бежать из Ричмонда, бежать любой ценой. Несколько раз он пытался сделать это и не мог: препятствия были непреодолимыми.

Осада города шла своим чередом, и если военнопленные жаждали бежать из него, чтобы возвратиться в армию Гранта, кое-кому из осажденных очень хотелось покинуть Ричмонд, чтобы добраться до армии сепаратистов; среди этих вояк был и Джонатан Форстер — заядлый приверженец южан. В самом деле, если военнопленные федеральной армии не имели возможности выйти из города, не могли этого сделать и сепаратисты, так как армия северян обложила его со всех сторон. Губернатор Ричмонда уже давно потерял связь с генералом Ли, а было чрезвычайно важно сообщить ему о положении в городе и просить поскорее двинуть армию в помощь осажденным. И вот Джонатану Форстеру пришла мысль вылететь из Ричмонда в гондоле воздушного шара, пересечь таким способом линии осаждающих войск и добраться до лагеря сепаратистов.

Губернатор разрешил такую попытку. Был изготовлен аэростат, и его предоставили в распоряжение Джонатана Форстера, намеревавшегося совершить свое воздушное путешествие с пятью спутниками. Аэронавтов снабдили оружием на случай, если они, приземлившись, натолкнутся на неприятеля и вынуждены будут защищаться. Получили они и запас провианта на случай длительного пребывания в воздухе.

Вылет назначили на 18 марта. Предполагалось, что он осуществится в ночное время, при свежем северо-западном ветре: путешественники рассчитывали за несколько часов долететь до штаб-квартиры генерала Ли.

Но северо-западный ветер оказался иным, чем ожидали. Восемнадцатого марта уже с утра видно было, что надвигается буря. А вскоре поднялся такой ураган, что отлет Форстера пришлось отсрочить, ибо опасно было отдать аэростат и пятерых путешественников на волю разбушевавшейся стихии.

Наполненный газом воздушный шар находился на главной площади Ричмонда, готовый к вылету при первом затишье, и весь город ждал этого затишья с возрастающим нетерпением, а между тем погода все не улучшалась.

Восемнадцатого и девятнадцатого марта буря свирепствовала без передышки. С большим трудом оберегали от нее привязанный канатами воздушный шар, который порывами шквала пригнетало к самой земле.

Прошла ночь с девятнадцатого на двадцатое марта, а поутру буря разыгралась еще сильнее. Лететь было невозможно.

В этот день к инженеру Сайресу подошел на улице какой-то незнакомый ему человек. Это был моряк лет тридцати пяти или сорока, носивший фамилию Пенкроф, рослый, крепкий и очень загорелый, с живыми, быстро мигавшими глазами и добродушным лицом. Он был уроженец Северной Америки, плавал по всем морям, побывал во всяческих переделках, изведal множество необыкновенных приключений, какие иному сухопутному обывателю и во сне не приснятся. Нечего и говорить, что

это был человек предприимчивый, смельчак, ничего не боявшийся и ничему не удивлявшийся. В начале 1865 года Пенкроф приехал по делам в Ричмонд из Нью-Джерси с пятнадцатилетним Гербертом Брауном, сыном своего капитана, оставшимся сиротой; Пенкроф любил этого юношу, как родного сына. До начала осады ему не удалось выехать из города, и, к великому своему огорчению, он оказался запертым в Ричмонде. Теперь и у него тоже было лишь одно желание: бежать, воспользовавшись любым случаем. Пенкроф много слышал об инженере Сайресе Смите, он знал, что этот решительный человек жаждет вырваться на свободу. И вот на третий день бури он смело подошел к Смиту и без всяких предисловий спросил:

— Мистер Смит, вам не надоел этот чертов Ричмонд?

Инженер поглядел в упор на незнакомца, заговорившего с ним, а Пенкроф добавил вполголоса:

— Мистер Смит, хотите бежать?

— Когда? — тотчас отозвался инженер, и можно с уверенностью сказать, что этот ответ сорвался у него с языка невольно, ибо он даже не успел рассмотреть неизвестного, обратившегося к нему с таким предложением.

Однако, всмотревшись проницательным взглядом в открытое лицо моряка, он уже не сомневался, что видит перед собой честного человека.

— Кто вы такой? — отрывисто спросил он.

Пенкроф коротко рассказал о себе.

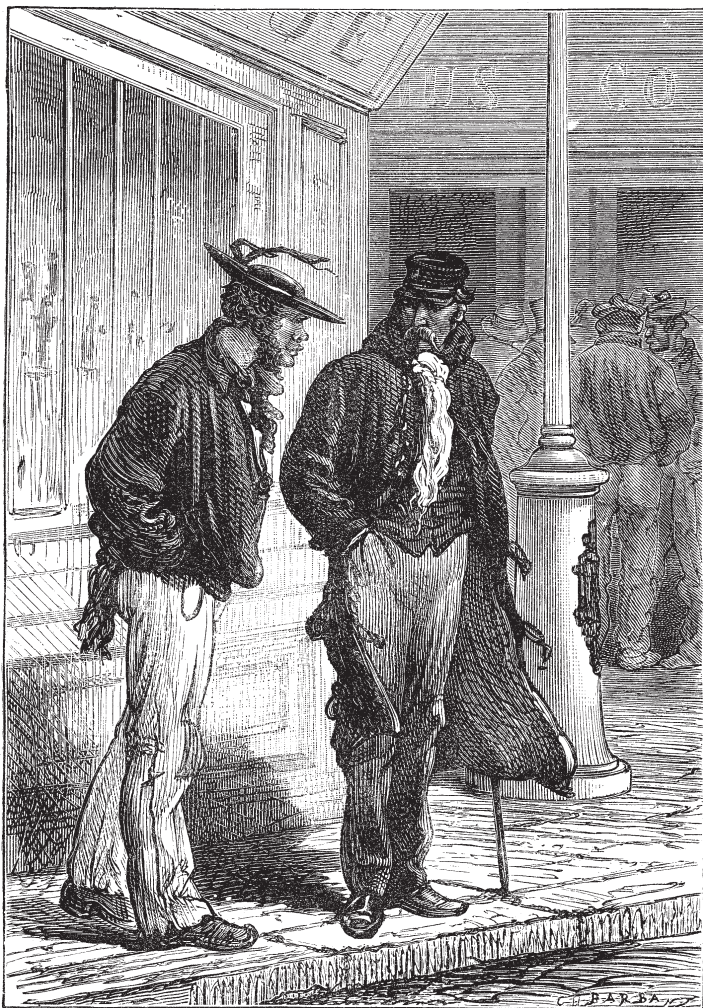
— Прекрасно! — сказал Смит. — А каким способом вы предлагаете бежать?

— Да вот воздушный шарик тут без толку болтается, будто нарочно, бездельник, нас поджидает!

Пенкрофу не понадобилось входить в подробности. Инженер понял его с полуслова. Он схватил моряка под руку и быстро повел к себе.

Пенкроф изложил ему свой план. Все очень просто. Конечно, рискуешь при этом жизнью, но что ж поделаешь! Ураган, понятно, разъярился, бушует во всю мочь, но ведь такой искусный и смелый инженер, как Сайрес Смит, прекрасно сумеет управиться с воздушным кораблем. Если бы он, Пенкроф, знал, как обращаться с этим шариком, он бы, не задумываясь, вылетел на нем, разумеется вместе с Гербертом. Мало ли моряк Пенкроф видел бурь на своем веку! Таким ураганом его не удивишь!

Сайрес Смит слушал молча, но глаза у него блеснули. Вот он — благоприятный случай. Разве можно его упустить. План очень рискованный, но и только, — он вполне осуществим. Несмотря на охрану, ночью можно пробраться к воздушному шару, залезть в гондолу, потом перерезать канаты, удерживающие шар! Понятно, тут легко и голову сложить, но возможно, что все сойдет хорошо, а без этой бури... Да, без этой бури

*Пенкроф добавил вполголоса:
— Мистер Смит, хотите бежать?*

шар уже давно бы вылетел и долгожданный случай так бы и не представился!

— Я не один! — коротко заключил он вслух свои размышления.

— Сколько человек хотите взять с собой? — спросил моряк.

— Двух — моего друга Спилета и слугу Наба.

— Значит, вас трое, — заметил Пенкроф, — да я с Гербертом. Итого — пятеро. А предполагалось, что на шаре полетят шестеро...

— Отлично. Мы полетим! — воскликнул Сайрес Смит.

Он сказал «мы», давая обязательство и за журналиста, — действительно, Гедеон Спилет был не робкого десятка, а когда узнал о возникшем

замысле, одобрил его безоговорочно. Он только удивился, что ему самому не пришла в голову такая простая мысль. А что касается Наба, то он последовал бы за хозяином всюду, куда бы тому ни вздумалось отправиться.

— Стало быть, до вечера, — сказал Пенкроф. — Будем все пятеро слоняться вокруг да около, словно из любопытства.

— До вечера, — подтвердил Сайрес Смит, — встретимся в десять часов. Хоть бы эта буря не утихла до нашего вылета!

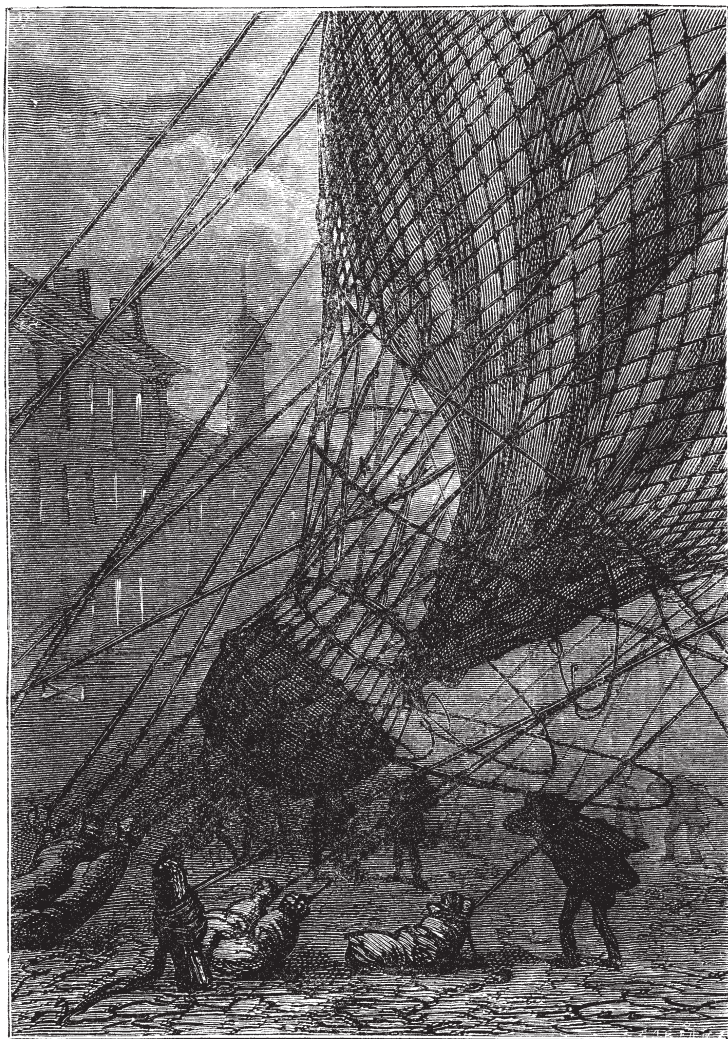
Пенкроф простился с инженером и вернулся к себе на квартиру, где оставался юный Герберт Браун. Смелый мальчик знал о замыслах моряка и с беспокойством ожидал результатов его разговора с инженером. Как видят читатели, тут сошлось пятеро смельчаков, раз они решались броситься навстречу неумолимому урагану!

Да, буря не стихла, и ни Джонатан Форстер, ни его спутники даже не подходили к хрупкой гондоле! Погода весь день была ужасная. Инженер боялся только одного: как бы оболочка аэростата, который ветром пригибало к земле, не разорвалась на тысячу кусков. Целыми часами Смит бродил по почти безлюдной площади, наблюдая за воздушным шаром. То же самое делал и Пенкроф; засунув руки в карманы, он прохаживался по площади, время от времени позевывал, словно забрел сюда от нечего делать и не знает, как ему убить время; а в действительности тоже был полон страха, что оболочка шара разорвется или, чего доброго, лопнут канаты и шар умчится в небеса.

Наступил вечер. Спустилась непроглядная тьма. По земле полз густой туман, похожий на облака. Пошел дождь, смешанный со снегом. Сразу похолодало. Какая-то влажная мгла нависла над Ричмондом. Казалось, что неистовая буря установила перемирие между осаждающими и осажденными, и пушки умолкли, устрасась грозного рева урагана. Улицы города были пустынные. Ни души и на площади, посреди которой бился на ветру аэростат, — вероятно, не считали нужным в такую лютую непогоду охранять его. Итак, все благоприятствовало побегу пленных, но как же решиться на страшное путешествие, как отдать себя на волю неистовых стихий?

— Неважная погодка! — пробормотал Пенкроф и, ухватившись за шляпу, ударом кулака покрепче ее нахлобучил. — Ну да ничего! Как-нибудь справимся!

В половине десятого Сайрес Смит и его спутники с разных сторон прокрались на площадь, где царил непроницаемый мрак, ибо ветер загасил все газовые фонари. Не видно было даже очертаний огромного аэростата, прибитого ветром к земле. Помимо мешков с балластом, привязанных к предохранительной сетке, гондолу шара еще держал прочный

Пятеро пленников встретились возле этой корзины.

канат, — он был пропущен сквозь железное кольцо, вделанное в мостовую, и оба его конца привязаны к плетеной гондоле.

Пятеро пленников встретились возле этой корзины. Никто их не заметил — стояла такая темь, что и сами они друг друга не видели.

Сайрес Смит, Геден Спилет, Наб и Герберт, не произнеся ни слова, забрались в гондолу, а тем временем Пенкроф, по указанию инженера, отвязывал один за другим мешки с балластом. Через несколько секунд моряк присоединился к своим товарищам.

Теперь аэростат удерживал только канат, и Сайресу Смиту оставалось лишь дать приказ к отлету.

И вдруг в эту минуту в гондолу прыгнула собака. Это был Топ, любимый пес инженера, — оборвав свою цепь, он прибежал вслед за хозяином. Боясь, что собака окажется лишним грузом, Сайрес Смит хотел ее прогнать.

— Не беда, возьмем и собаку! — сказал Пенкроф и выбросил из гондолы два мешка с песком.

Потом он отвязал канат, и шар, взлетев по косой, с яростной силой взвился в поднебесье, сбив при взлете две дымовые трубы.

Ураган бушевал во всю свою лютую мощь. Ночью нечего было и помышлять о спуске, а когда настал день, земли не было видно из-за плотной пелены тумана. Только на пятый день в просвете меж тучами под аэростатом, который ветер гнал с ужасающей быстротой, показалось море.

Читателям уже известно, что из пяти беглецов, поднявшихся 20 марта на воздушном шаре, четырех выбросило 24 марта на пустынный берег, находившийся на расстоянии шести тысяч миль от Ричмонда¹, а тот, кого не оказалось среди спасшихся, тот, к кому они прежде всего бросились на помощь, был не кто иной, как Сайрес Смит — человек, который вполне естественно стал их предводителем.

ГЛАВА III

*В пять часов вечера. — Тот, кого не хватает. — Отчаяние Наба. —
Поиски в северном направлении. — Островок. — Ночь тоски и тревоги. —
Утренний туман. — Наб пускается вплавь. — Земля в виду. —
Переправа через пролив*

Инженера Смита, угнездившегося в ячейках предохранительной сетки, смыло волной, когда порвались веревки. Исчезла и его собака Топ, — верный пес сам бросился в море на помощь хозяину.

— Вперед! — крикнул журналист.

И все четверо — Геден Спилет, Герберт, Пенкроф и Наб, — позабыв о голоде и усталости, пустились на поиски своего товарища.

Бедняга Наб плакал от ярости и отчаяния при мысли о том, что он потерял самого дорогого ему в мире человека.

Не прошло и двух минут с того мгновения, как Сайрес Смит исчез. Следовательно, спутники его, достигшие земли, еще могли надеяться, что они успеют спасти инженера.

— Искать его надо. Искать! — восклицал Наб.

---

¹ 5 апреля Грант захватил Ричмонд, мятеж сепаратистов был подавлен. Ли отступил на запад, и дело единства Соединенных Штатов восторжествовало. (Прим. автора.)

— Да, Наб, — отвечал Гедеон Спилет. — Мы найдем его!

— Живым?

— Живым!

— Умеет он плавать? — спросил Пенкроф.

— Умеет! — ответил Наб. — К тому же с ним Топ...

Моряк прислушался к реву океана и покачал головой.

Инженер исчез у северной части побережья, приблизительно на расстоянии в полмили от того места, куда выбросило остальных. Если ему удалось добраться до ближайшей отмели, значит, пройти им надо было самое большее полмили.

Время близилось к шести часам вечера. Туман сгустился, и стало совсем темно. Аэронавты, потерпевшие крушение, шли в направлении к северу по восточному берегу земли, на которую их выбросило волей случая, земли, совершенно им неизвестной, о географическом положении которой они не могли строить никаких догадок. Они шли, чувствуя под ногами то песок, то камни, — казалось, что земля тут совсем лишена растительности. Продвигаться вперед было очень трудно. Они шагали в темноте по каким-то буграм, местами попадались глубокие рытвины. Из них поминутно поднимались невидимые во мраке большие птицы и, грузно взмахивая крыльями, разлетались во все стороны. Другие птицы, поменьше, попроворнее, выпархивали целыми стаями и живым облаком проносились над головами путников. Моряку казалось, что это были бакланы и чайки, — он узнавал их по жалобным пронзительным крикам, перекрывавшим грозный рев прибора.

Время от времени путники останавливались, громко кричали, зовя исчезнувшего товарища, и настороженно прислушивались, не послышится ли его голос со стороны океана. Быть может, Сайресу Смиту удалось спастись и они уже недалеко от того места, где он выбрался на берег; а если сам Смит и не в силах позвать на помощь, то залает его пес, и звонкий лай Топа донесется до них. Но они ничего не слышали, кроме сурового гула океана да шума гальки, перекатываемой волнами. И маленький отряд двигался дальше, исследуя малейшие извилины берега.

Минут через двадцать все четверо вдруг остановились — дальше идти было некуда, перед ними набегали на берег высокие волны, разбиваясь о камни. Они оказались на краю остроконечного скалистого мыса, у которого злобно бурлили волны.

— На мыс вышли, — сказал моряк. — Назад надо податься. Держитесь правее, подальше от берега.

— Но ведь он там! — воскликнул Наб, указывая на море, где белели во тьме пенистые гребни огромных валов.

— Хорошо! Давайте кричать, звать его!

Все четверо крикнули разом.

Все четверо крикнули разом, но громкий их зов остался без ответа. Они выждали минуту затишья. Снова бросили во тьму призыв. И снова не услышали отклика.

Тогда путники обогнули оконечность мыса и пошли дальше, ступая по песчаной и каменистой почве. Однако Пенкроф заметил, что берег становится круче, поднимается выше, и предположил, что он довольно длинной грядой соединяется с косогором, очертания которого смутно вырисовывались в темноте. В этой части побережья птиц уже было меньше. И море здесь не так бурлило и ревело, волнение даже заметно уменьшилось. Едва доносилось шуршанье перекатываемой гальки. Несомнен-

но, извилина берега образовала тут бухту, которую скалистый выступ мыса защищал от валов, игравших в открытом море.

Однако, следуя в этом направлении, путники удалялись к югу, в сторону, противоположную той части побережья, до которой мог добраться Сайрес Смит. На протяжении полутора миль они не обнаружили ни малейшего изгиба берега, который дал бы им возможность повернуть на север. Но ведь мыс, который пришлось обогнуть, соединялся с сушей. И, напрягая последние силы, изнуренные путники мужественно шли вперед, надеясь, что вот-вот линия берега сделает крутой поворот и они снова пойдут на север.

Каково же было их разочарование, когда они, пройдя около двух миль, опять оказались на краю довольно высокого выступа, состоявшего из скользких глыб.

— Мы попали на какой-то островок! — сказал Пенкроф. — И уже искали его из конца в конец.

Замечание моряка было правильным. наших аэронавтов выбросило не на материк и даже не на остров, а на островок, имевший в длину не более двух миль и, очевидно, очень узкий.

Был ли этот каменистый бесплодный островок, унылый приют морских птиц, частью какого-нибудь большого архипелага? Как знать? Когда наши путники увидели его сквозь туман из гондолы воздушного шара, они не могли хорошенько его рассмотреть и определить, велик ли он. Но теперь Пенкроф зорким взглядом моряка, привыкшего всматриваться в темноту, казалось, различал на западе массивный силуэт гористого берега.

Однако ж в ночной тьме Пенкроф не мог установить, лежал ли их островок близ какого-то одного острова или же был частью архипелага. Не могли они также выбраться с островка, потому что его окружало море. А поиски инженера Смита, который, к несчастью, ни малейшим возгласом не дал о себе знать, приходилось отложить до утра.

— Молчание Сайреса еще ничего не доказывает, — сказал журналист. — Может быть, он потерял сознание, может быть, он ранен и сейчас не в состоянии ответить нам. Не будем отчаиваться.

Журналисту пришла в голову мысль зажечь на первом из выступов берега костер, чтоб подать сигнал Сайресу Смигу. Но тщетно все четверо искали топлива для костра, хотя бы стеблей сухого бурьяна. Кругом были только камни и песок.

Нетрудно понять, как горевали Наб и его спутники, — все они уже успели привязаться к отважному Сайресу Смигу. Но было совершенно ясно, что сейчас они бессильны ему помочь. Приходилось ждать рассвета. Возможно, что Смигу удалось спастись и он уже нашел себе прибежище на берегу, а может быть, он погиб в море.

Потянулись долгие и мучительные часы. Ночью сильно похолодало. Несчастные беглецы жестоко мерзли, но почти не замечали своих страдающих. Они даже и не подумали прилечь отдохнуть. Забывая о себе, они думали только о своем руководителе и товарище, надеялись, что он жив, поддерживали друг у друга надежду; они бродили по этому бесплодному островку, и все их тянуло к северному выступу берега, который был ближе всего к месту катастрофы. Они прислушивались, они звали исчезнувшего друга, старались различить, не слышится ли крик, взывающий о помощи, и, вероятно, их голоса разносились далеко, потому что ветер улегся и грозный шум океана уже начал стихать, так как волнение уменьшилось.

В какое-то мгновение им даже показалось, что на громкий вопль Наба отозвалось эхо. Герберт сказал об этом Пенкрофу и добавил:

— Пожалуй, тут неподалеку берег другого острова, и довольно высокий, — от него и отдалось эхо.

Моряк утвердительно кивнул головой. Ведь ему уже сказали об этом его зоркие глаза. Если Пенкроф, хотя бы мельком, хотя бы на одно мгновение, увидел землю, значит, перед ним действительно была земля.

Но далекое эхо оказалось единственным откликом на громкие призывы Наба, — весь восточный берег островка, затерявшегося в беспредельности океана, замер в безмолвии.

Тучи постепенно рассеялись. Около полуночи появились звезды, и если б инженер Смит в тот час был со своими спутниками, он заметил бы, что на небе взошли не те звезды, которые сияют в Северном полушарии. В самом деле, на этом чужом небосводе не зажглась Полярная звезда; созвездия, сверкавшие в зените, были совсем не похожи на те, какие привыкли видеть жители северной части Нового Света; блиставший во тьме Южный Крест указывал, что путники находятся в Южном полушарии.

Ночь миновала. 25 марта около пяти часов утра небо в вышине чуть-чуть порозовело, но на горизонте еще лежал зловещий мрак, а с моря надвинулся такой густой туман, что за двадцать шагов уже ничего не было видно. Туман клубился и тяжело полз по земле.

Итак, погода не благоприятствовала поискам. Беглецы ничего не могли различить вокруг. Наб и журналист Спилет тщетно всматривались в морскую даль; моряк и Герберт искали взглядом высокий берег на западе. Но нигде не было видно ни клочка суши.

— Хоть я и не вижу берега, — сказал Пенкроф, — а чувствую его... Он здесь, он где-то близко... Это так же верно, как и то, что мы бежали из Ричмонда!

Однако завеса тумана вскоре разорвалась, он стал подниматься в вышину, превращаясь просто в дымку, предвещавшую погожий день. В не-

бе засияло яркое солнышко, жаркие лучи, проникая сквозь прозрачную пелену, разливали в воздухе тепло.

Около половины седьмого, через три четверти часа после восхода солнца, туман стал все больше редеть. Вверху он сгушался в облака, но внизу рассеивался. Вскоре отчетливо обрисовался весь островок, потом из мгlistой пелены выступило и синее полукружие моря, на востоке беспредельное, а на западе ограниченное высоким обрывистым берегом.

Да, там была земля. Там было спасение, хотя бы и временное. От высокого берега этой неведомой земли островок отделялся проливом шириною в полмили; вода в нем бежала шумным, стремительным потоком.

И вдруг один из путников, повинувшись голосу сердца, не посоветовавшись с товарищами, не промолвив ни слова, бросился в пролив. Это был Наб. Он спешил добраться до другого берега и направиться по нему на север. Никто бы не мог его остановить. Напрасно Пенкроф звал его. Журналист намеревался последовать за Набом.

Пенкроф крикнул, подходя к нему:

— Вы хотите переплыть пролив?

— Да, — ответил Гедеон Спилет.

— Послушайте совета, подождите, — сказал моряк. — Наб один справится и окажет помощь своему хозяину. Смотрите, какое бурное течение в проливе. Попробуй мы переплыть его, нас унесет в открытое море. Но, если не ошибаюсь, начинается отлив. Видите, как уже отступило море от кромки берега. Повременим немного, и в разгар отлива нам, пожалуй, удастся переправиться вброд...

А Наб тем временем отважно боролся с течением и наискось пересекал пролив. С каждым взмахом могучих рук из воды взметывались черные плечи. Наба относил с огромной скоростью, но все же он понемногу приближался к берегу. Больше получаса потратил он на то, чтоб переплыть пролив шириною в полмили; его отнесло на несколько тысяч футов вниз по течению, но наконец он достиг берега.

Он выбрался из воды у подножия высокой гранитной кручи и энергично отряхнулся, затем опрометью бросился бежать и вскоре исчез за скалистым мысом, выдававшимся в море почти напротив северной оконечности островка.

Спутники с тревогой следили за смелым пловцом, а когда он скрылся из виду, устремили взгляд на берег, где собирались найти себе убежище; обозревая эту неведомую им землю, они в то же время утоляли голод ракушками, которыми был усеян песок, — трапеза, конечно, очень скудная.

Берег, лежавший перед ними, изгибался, образуя широкий залив, ограниченный с южной стороны далеко выступающей в море дикой, голой скалой. Она соединялась с берегом прихотливо очерченной грядой вы-

соких гранитных утесов. К северу залив расширялся, берег шел округлой линией с юго-запада на северо-восток и заканчивался узким острым мысом. Между двумя этими выступами, завершавшими дугу залива, расстояние было, вероятно, миль восемь. Островок же, отделенный от этих гранитных берегов узким проливом, походил своей формой на огромного кита. Наибольшая его ширина не превышала четверти мили.

На переднем плане противоположного берега тянулась песчаная отмель, усеянная темными скалами, — их постепенно обнажал отлив; за нею вздымалась, подобно крепостному редуту, отвесная гранитная круча высотой в триста футов, увенчанная причудливым карнизом. Она тянулась сплошным кряжем на протяжении трех миль и резко обрывалась справа отвесной гранью, словно обтесанной рукою человека. С левого же края этот необыкновенный гранитный вал словно раскололся, разбился на скалы призматической формы, обрушился каменными осыпями и, постепенно понижаясь, вытянулся длинным спуском, сливавшимся внизу с подводными рифами южного мыса.

Вверху кряж переходил в голое плоскогорье, без единого деревца, ровное, как стол, подобно вершине Столовой горы, возвышающейся над Кейптауном у мыса Доброй Надежды, только меньших размеров. По крайней мере таким оно казалось, когда на него глядели с островка. Однако справа, за отвесным обрывом, на нем имелась растительность. Ясно можно было различить зеленые кроны больших деревьев, которые сливались в сплошную чащу, уходившую куда-то вдаль, недоступную взгляду. Зелень эта радовала глаз после суровой картины голых гранитных берегов.

И, наконец, на заднем плане, на расстоянии по меньшей мере семи миль к северо-западу, на солнце сверкал ярко-белый конус. То была вершина какой-то далекой горы, покрытая шапкой вечных снегов.

Пока еще нельзя было определить, что представляет собою видневшаяся перед глазами земля — остров или часть материка.

Зато, взглянув на хаотическое нагромождение огромных каменных глыб с левого края залива, геолог, не колеблясь, сказал бы, что они, несомненно, вулканического происхождения и бесспорно являются результатом извержения огнедышащих гор.

Гедеон Спилет, Пенкроф и Герберт пристально смотрели на ту землю, на которой им, быть может, предстояло жить долгие годы, возможно до самой смерти, если только мимо ее берегов не пролегал путь морских кораблей.

— Что же ты молчишь, Пенкроф? — спросил Герберт. — Что там? Как ты думаешь?

— Да что ж, есть там, наверное, и хорошее и дурное, как везде. Посмотрим. А отлив-то здорово работает! Через три часа попробуем перейти

вброд на тот берег. А когда перейдем, попытаемся как-нибудь выпутаться из беды и первым делом найти мистера Смита!

Пенкроф не ошибся в своих расчетах: через три часа большая часть песчаного дна пролива обнажилась. Между островком и противоположным берегом оставалась только узкая полоска воды, через которую, вероятно, нетрудно было перебраться.

И действительно, около десяти часов утра Гедеон Спилет и два его товарища разделись и, придерживая на голове узел с одеждой, перешли вброд узкий проливчик глубиной не более пяти футов. Для Герберта даже такая глубина была еще не по росту, но он плавал, как рыба, и прекрасно вышел из затруднительного положения. Все трое без всяких злоключений достигли берега. Там они быстро обсохли на солнце, надели платье, которое сумели уберечь от воды, и стали держать совет.

ГЛАВА IV

Литодомы. — Устье реки. — Трущобы. — Продолжение поисков. — Зеленая чаща леса. — Запас топлива. — Ожидание прилива. — На гребне гранитного кряжа. — Плот. — Возвращение на берег

Прежде всего решили предпринять разведку, и Гедеон Спилет, велев моряку ждать его на том самом месте, куда они вышли с островка, тотчас пустился в путь по берегу в том же направлении, по которому несколько часов назад помчался негр Наб. Журналист шел торопливыми шагами и вскоре исчез за скалами, — ему не терпелось узнать, что стало с Сайресом Смитом.

Герберт хотел было идти вместе с ним.

— Не ходи, дружок, — сказал ему моряк. — Нам с тобой нужно приготовить стоянку и, по возможности, раздобыть еды — чего-нибудь посолоннее, чем ракушки. Когда друзья наши возвратятся, им надо будет подкрепиться. Значит, у них свое дело, у нас — свое.

— Согласен, Пенкроф, — ответил Герберт.

— Ну вот и хорошо, — одобрил моряк. — Все устроим по порядку. Мы устали, нам голодно, холодно. Стало быть, всем потребуется пристанище, огонь и пища. Дров в лесу сколько хочешь, найдутся там и птичьи гнезда, — значит, наберем яиц. Остается только подыскать себе дом.

— Ну что ж, — подхватил Герберт. — Я поищу в скалах пещеру. Наверно, уж найду какую-нибудь нору, и мы все туда заберемся.

— Правильно, — сказал Пенкроф. — В дорогу, мальчик!

И оба пустились в путь вдоль огромной гранитной стены, шагая по песчаной полосе, широко обнажавшейся в часы отлива. Но вместо того чтобы повернуть на север, как Гедеон Спилет, они двинулись на юг.

Пенкроф заметил расщелину, перерезавшую кряж в нескольких стах шагах от места их переправы, и решил, что это, наверно, русло речки или ручья. Они направились туда, так как было очень важно устроить стоянку около источника пресной воды; кроме того, не исключена была возможность, что Сайреса Смита отнесло течением именно в эту сторону.

Как мы уже говорили, берег поднимался сплошной стеной высотой в триста футов, и даже внизу, где волны, случалось, лизали камень, не было в ней ни одной пещеры, ни одного углубления, которое могло бы послужить путнику временным убежищем. Перед нашими исследователями был отвесный вал из очень твердого гранита, не тронутого морем. У верхнего его карниза летали тучи морских птиц, главным образом, всякие породы перепончатопалых с длинными и тонкими острыми клювами; все эти пернатые поднимали невероятный шум и нисколько не были напуганы появлением людей, — очевидно, впервые человек нарушил их покой. Среди птиц Пенкроф распознал многочисленных поморников — один из видов бакланов, — которых иногда называют разбойниками, а также мелких прожорливых чаек, гнездившихся во впадинах гранитного карниза. Выстрелив из ружья наугад в эти птичьи стаи, кружившие в воздухе, можно было бы получить богатую добычу, но, для того чтобы выстрелить, нужно было иметь ружье, а как раз ни у Пенкрофа, ни у Герберта ружья-то и не имелось. Впрочем, чайки и поморники почти несъедобны, и даже их яйца отличаются отвратительным вкусом.

Но вот Герберт, который шел по левую руку от Пенкрофа, ближе к морю, заметил несколько скал, покрытых водорослями, — вероятно, море в часы прилива затопляло их. На этих скалах среди скользких стеблей морской травы к камню лепилось множество съедобных двустворчатых ракушек, которыми на голодный желудок не следовало пренебрегать. Герберт окликнул Пенкрофа; тот сейчас же подбежал.

— Э, да тут устрицы! — воскликнул моряк. — Будет чем заменить птичьи яйца, пока мы до гнезд не добрались.

— Вовсе это не устрицы, — заметил Герберт, внимательно разглядывая ракушки, — это литодомы.

— А их едят? — спросил Пенкроф.

— Еще как!

— Ну что ж, отведаем литодомов.

Моряк вполне мог положиться на Герберта. Юноша был очень силен в естествознании и всегда страстно им увлекался. Направил его на этот путь покойный отец и дал ему возможность учиться у лучших профессоров-естествоведов Бостона, которым сразу полюбился умный и прилежный мальчик. Склонности и познания юного натуралиста впоследствии не раз служили службу его старшим товарищам, и с самого начала он не ошибся в своем определении.

— *А их едят?* — спросил Пенкроф.

Литодомы представляли собою продолговатые ракушки, прилепившиеся к скале целыми гроздьями и так крепко приросшие к ней, что их трудно было оторвать. Они принадлежали к виду моллюсков-сверлильщиков, которые высверливают себе ямку в самом твердом камне, а их раковина бывает закруглена с обоих концов, — такого устройства у обыкновенных двустворчатых раковин не наблюдается.

Пенкроф и Герберт вдоволь угостились литодомами, которые приоткрыли на солнышке створки своих домиков. Есть их надо было так же, как устриц. И оба они нашли, что у литодомов очень острый вкус и поэтому можно не жалеть об отсутствии перца и прочих приправ.

Итак, путники немного утолили голод. Но жажда у обоих еще усилилась после того, как они проглотили изрядное количество пряных от природы моллюсков. Теперь нужно было разыскать где-нибудь пресной воды, и казалось невероятным, чтобы на таком гористом берегу не нашелся хотя бы маленький родник. Сделав большой запас ракушек, то есть наполнив ими все карманы и насыпав их в носовые платки, Пенкроф и Герберт возвратились к подножию гранитного кряжа.

Пройдя к югу еще шагов двести, они действительно увидели расселину, в которой, как и думал Пенкроф, текла узкая, но полноводная речка. В этом месте гранитная стена как будто раскололась от сильного вулканического толчка. У выхода из ущелья образовалась небольшая почти треугольная бухточка. Ширина горного потока достигала тут ста футов, а русло его занимало почти все ущелье. Берега были не шире двадцати футов. Речка неслась почти по прямой линии меж двух гранитных стен, понижавшихся вверх по течению. На некотором расстоянии она резко поворачивала и через полмили исчезала в лесных зарослях.

— Здесь — вода, а там — дрова! — воскликнул Пенкроф. — Ну теперь, Герберт, нам не хватает только дома!

Речка была совсем прозрачная. Пенкроф убедился, что в часы отлива, когда до нее не доходили морские волны, вода в ней была пресная и вполне годилась для питья. Лишь только это важное обстоятельство было установлено, Герберт принялся искать какую-нибудь пещеру, где можно было бы приютиться, но поиски его оказались тщетными. Повсюду гранитный кряж высился ровной, гладкой, отвесной стеной.

Однако недалеко от устья реки, выше того места, куда доходил прилив, они обнаружили очень своеобразное нагромождение каменных глыб. Такие природные сооружения нередко встречаются на гранитных возвышенностях и носят название «каминов».

Исследуя этот лабиринт, Пенкроф и Герберт довольно далеко углубились в него, двигаясь по усыпанным песком проходам, куда свет просачивался в щели между глыбами, из которых иные сохраняли равновесие каким-то чудом. Однако в щели проникал не только свет, но и ветер, — по каменным коридорам гуляли самые настоящие сквозняки, приносящие с собой пронизывающий холод. Но Пенкроф решил, что, если перегородить некоторые проходы, заложить их отверстия камнями да засыпать песком, «Трущобы», как он их назвал, станут пригодны для жилья. Расположение их — если изобразить его на чертеже — представляло подобие типографского знака &, сокращенно обозначающего латинские слова *et caetera*¹; отгородившись от верхней петли этого знака, через ко-

¹ И так далее (*лат.*).

тору ю врывался южный и западный ветер, несомненно можно было воспользоваться для пристанища нижней петлей.

— Местечко славное! — сказал Пенкроф. — Если когда-нибудь вернется к нам мистер Смит, уж он сумеет навести порядок в этом лабиринте.

— Он обязательно вернется, Пенкроф! — воскликнул Герберт. — Мы должны к его возвращению устроить здесь сколько-нибудь сносное жилище. Прежде всего надо сложить очаг в левом коридоре и не закрывать там верхнего отверстия, чтобы в него выходил дым.

— Ну очаг-то сложить нетрудно, голубчик, — сказал моряк. — А право, славное местечко эти Трущобы (придуманное Пенкрофом название так и осталось за этим временным убежищем). Но первым делом пойдемка запасемся дровами. Думается, сучья и ветви пригодятся нам и на то, чтоб позатыкать щели, а то здесь будто сам дьявол свищет.

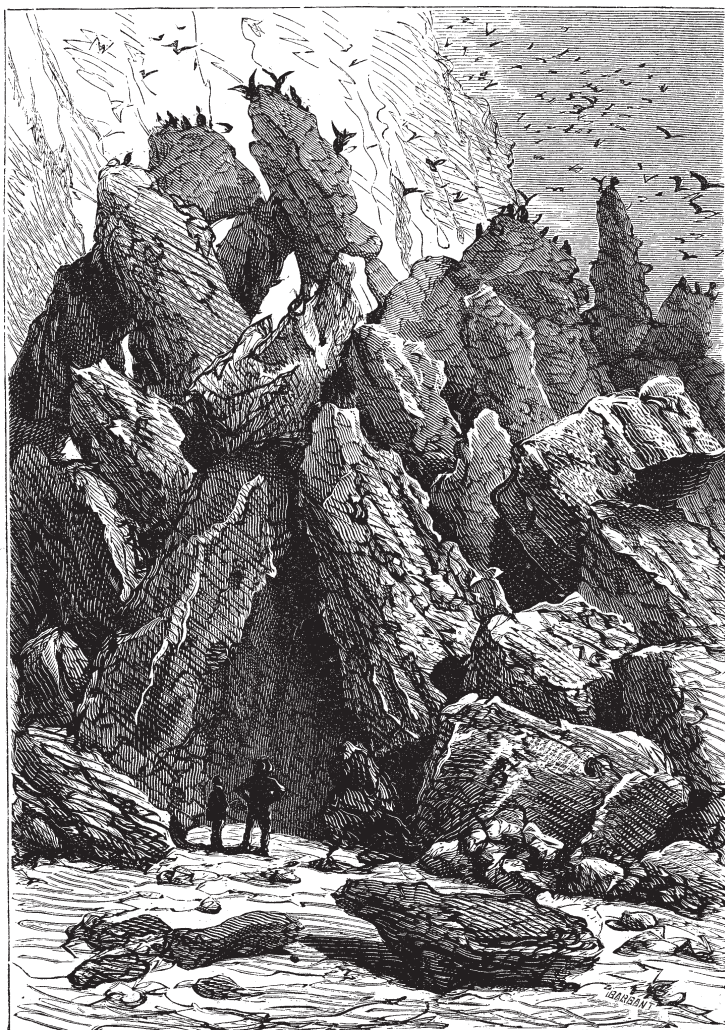
Герберт и Пенкроф вышли из Трущоб и, обогнув срезанный угол кряжа, направились по левому берегу речки. Довольно быстрое ее течение несло упавшие в воду стволы деревьев. Прилив (а в эти минуты его наступление было заметно), вероятно, заходил в устье реки, с силой отбрасывая ее воды на довольно большое расстояние. И моряк подумал, что действием прилива и отлива можно было бы воспользоваться для сплава плотами всяких грузов.

Четверть часа спустя моряк и юный Герберт дошли до излучины, где речка круто поворачивала влево. Начиная с этого места она текла через лес, состоявший из великолепных деревьев. Несмотря на холодное время года, деревья были зелены — они принадлежали к различным хвойным породам, распространенным во всех климатических поясах земного шара — от северных широт до тропических стран. Юный натуралист распознал тут породу деодаров, многочисленные разновидности которых встречаются в зоне Гималайских гор; эти деревья распространяли вокруг очень приятный запах. Между исполинскими деодарами разбросаны были купы сосен, раскинувших свою густую крону широким зонтом. Внизу земля была устлана ковром травы, и, ступая по нему, Пенкроф слышал, как хрустели под ногами упавшие с деревьев сухие сучья, — они трещали, как взлетающие ракеты.

— Ладно, милый мой, — говорил Пенкроф Герберту, — я, конечно, не знаю, как называются эти деревья, но могу тебе сказать, что они вполне годятся на дрова, — а нам сейчас нужнее всего именно «дровяная порода».

— Давай собирать хворост! — ответил Герберт и тотчас же принялся за работу.

Набрать топлива оказалось очень легко, не приходилось даже обламывать сухие ветки, — хворост в изобилии лежал на земле. Итак, в топливе недостатка не было, но тут встал вопрос, как доставить его к месту стоян-

*Они обнаружили весьма своеобразное
нагромождение каменных глыб.*

ки. Сухие дрова горят очень быстро — следовательно, нужно было принести в Трущобы невероятную груду хвороста, ношу, непосильную для двух человек. Герберт сказал об этом Пенкрофу.

— Э, голубчик, надо придумать, как переправить дрова. При желании все можно сделать! Будь у нас ручная тележка, тут и разговаривать бы нечего было.

— Зато у нас есть речка! — воскликнул Герберт.

— Правильно! — подтвердил Пенкроф. — Есть речка — значит, дрова поплывут сами собою. Недаром же люди придумали сплавливать лес плотами.

— Мы попали на какой-то островок! — сказал Пенкроф. —
И уже исходили его из конца в конец.

Принесли носилки, покрытые мягким мхом и травой, уложили на них Сайреса Смита и понесли его к берегу. Пенкроф взялся за носилки спереди, а Хаб сзади.

— Только вот беда, — возразил Герберт, — они поплывут не в ту сторону, в которую нам надо: ведь прилив сейчас гонит воду против течения.

— Подождем тогда отлива, — ответил моряк, — и наше топливо спокойно доплывет до Трущоб. Давай пока готовить плот.

Моряк в сопровождении Герберта направился к опушке леса, подступавшего к излучине реки. Каждый тащил на спине вязанку хвороста, какую мог унести. На берегу, поросшем травой, по которой, наверно, еще не ступала нога человека, тоже нашлось немало валежника. Пенкроф тотчас же принялся делать плот.

В маленькую заводь, защищенную выступом берега, о который разбивалось течение, моряк и Герберт спустили несколько древесных стволов, крепко связав их между собой сухими лианами. Получилось нечто вроде плота, на него сложили весь собранный хворост — ношу, которую могли бы поднять человек двадцать, не меньше. За час они закончили работу и причалили плот к берегу — тут он должен был ждать, когда начнет спадать вода.

До начала отлива оставалось еще несколько часов, и, чтобы скоротать время, Пенкроф и Герберт решили подняться на верхнее плато, откуда должен был открываться широкий вид на ту неведомую землю, где они очутились.

В двухстах шагах от излучины реки гранитная стена заканчивалась каменной осыпью и, постепенно понижаясь, полого опускалась к лесной опушке. Природа как будто устроила тут лестницу. Герберт и моряк стали подниматься по ней. У обоих были быстрые ноги, крепкие мышцы, и через несколько минут они уже достигли гребня возвышенности и остановились на выступе, возвышавшемся над устьем реки.

Лишь только оба они оказались на плоскогорье, взгляд их обратился к океану, над которым они пролетели в такую ужасную бурю. С глубоким волнением смотрели они на северный берег острова, — ведь именно около него произошла катастрофа и где-то там исчез Сайрес Смит. Они искали взглядом, не плывет ли по волнам обрывок оболочки аэростата, за который мог бы уцепиться человек. Нет, нигде ничего не было видно. Только необозримая пустынная ширь океана. Пустынным был и берег. Ни Геден Спилет, ни Наб не появились. Быть может, однако, они ушли так далеко, что их нельзя было увидеть.

— А я вот уверен, — вдруг сказал Герберт, — да, уверен, что такой человек, как мистер Сайрес, не мог утонуть... Он ведь энергичный, смелый, он не растеряется. Наверно, он добрался до берега. Правда, Пенкроф?

Моряк печально покачал головой. Сам он уже не надеялся увидеть когда-нибудь Сайреса Смита, но не хотел лишать юношу надежды.

— Ну понятно, понятно, — сказал он. — Уж кто-кто, а мистер Смит сумеет выбраться из беды там, где другому несдобровать.

А в это время он с пристальным вниманием оглядывал берег. Перед глазами его тянулась песчаная полоса, ограниченная справа от устья реки грядой подводных скал. Черные их глыбы, едва еще выступавшие из воды, походили на гигантских морских зверей, лежавших среди кипевших бурунов; за линией рифов сверкало на солнце море. С юга кругозор закрывал остроконечный высокий мыс, и нельзя было определить, продолжается ли за ним суша, или же она вытянута в направлении с юго-востока на юго-запад и образует некий длинный полуостров. С северной стороны берег, обозримый на большом расстоянии, плавно изгибался, окаймляя округлую бухту. Там он был низкий, плоский, без гранитных скал, с широкими песчаными отмелями, обнажавшимися в часы отлива.

Пенкроф и Герберт повернулись к западу; взгляд обоих прежде всего привлекала гора со снежной вершиной, возвышавшаяся вдалеке, на расстоянии шести или семи миль. От первых ее уступов и ниже, по широкому плато, шли лесные заросли, и среди них яркими пятнами выделялись купы вечнозеленых деревьев. В двух милях от края этого плато лес заканчивался, и там зеленела поросшая травой широкая полоса, по которой прихотливо раскиданы были маленькие рощицы. Слева в просветах между деревьями блестела речка, такая извилистая, что, казалось, она возвращалась обратно к тем отрогам высокой горы, среди которых, вероятно, брала начало. В том месте, где Пенкроф оставил свой плот, она текла меж высоких гранитных берегов, но левый берег все время шел обрывистой кручей, а правый постепенно понижался; сплошная стена сменялась грядой отдельных глыб, затем россыпью камней, а дальше, до самого конца косы, — мелкой галькой.

— Что это? Остров? — пробормотал моряк.

— Ну если и остров, то довольно большой! — заметил юноша.

— Что ни говори, а остров всегда останется островом! — сказал Пенкроф.

Но как ни был важен этот вопрос, разрешить его они пока еще не могли. Приходилось отложить его выяснение. Однако чем бы ни была суша, на которую они попали, — островом или материком, — земля здесь казалась плодородной, а природа красивой и богатой многими дарами.

— Хорошо еще, что так вышло, — сказал Пенкроф. — И за это нам, несчастным, надо возблагодарить Провидение.

— Ну, конечно. Слава Богу! — воскликнул Герберт: его юное сердце было полно признательности к Творцу всего сущего.

Долго еще Пенкроф и Герберт смотрели на ту неведомую землю, куда их забросила судьба, но и после этих первых впечатлений ни тот, ни другой не могли представить себе, что ждет их тут.

— *Что же это за птицы?* — спросил Пенкроф.

Затем они пустились в обратный путь по южному краю плоскогорья, окаймленному карнизом из скал самых причудливых очертаний. Во впадинах здесь гнездились сотни птиц. Перепрыгивая с одной глыбы на другую, Герберт вспугнул целую стаю пернатых обитателей скал.

— Ах! — воскликнул он. — Это не бакланы и не чайки!

— *Что же это за птицы?* — спросил Пенкроф. — Ей-богу, похожи на голубей.

— Да это и есть голуби, только дикие — скалистые голуби, — ответил Герберт. — Я их сразу узнал. Вот погляди, у них двойная черная кайма на крыльях, хвост белый, а все остальное оперение голубовато-пепельного

цвета. Я читал, что скалистые голуби — лакомая дичь, и, наверно, у них очень вкусные яйца. Может быть, в гнездах остались яйца!..

— Тогда зажарим себе яичницу! — весело подхватил Пенкроф.

— А в чем? В твоей шляпе?

— Нет, дружок, — я, к сожалению, не волшебник. Ничего, не горюй. Мы испечем яйца. Хочешь, поспорим, кто больше съест?

Пенкроф и юноша принялись весьма внимательно осматривать все впадины меж гранитных глыб; кое-где действительно оказались яйца. Собрав несколько десятков голубиных яиц, сложили их в носовой платок моряка, а затем, полагая, что прилив уже кончился, спустились по склону к реке.

К часу пополудни они дошли до знакомой излучины. Прилив уже не мешал течению реки. Надо было воспользоваться этим, чтобы пригнать плот к ущелью. Пенкроф вовсе не намеревался пустить свой плот по воле случая, оставив его без всякого управления. Не хотел он также и взобраться на плот, чтобы им управлять. Тут ему пришло на помощь умение моряков смастерить канат из того, что есть под рукой, — моряк всегда выйдет из положения.

Набрав сухих лиан, Пенкроф ссучил из них веревку длиной в несколько сажений. Этот импровизированный канат привязали к плоту сзади, и конец его моряк крепко держал в руке, а Герберт, вооружившись длинной жердью, отталкивал плот от берега на стрежень реки.

Способ сплава оказался очень удачным. Шагая по берегу, Пенкроф сдерживал канатом тяжело нагруженный плот, и он спокойно плыл по течению. Берег тянулся обрывистой кручей, и нечего было опасаться, что плот застрянет где-нибудь на отмели. Часа через два он благополучно достиг устья реки, находившегося близ Трущоб.

ГЛАВА V

*Благоустройство Трущоб. — Важнейший вопрос — как добыть огонь. —
Коробка спичек. — Поиски на берегу. — Возвращение журналиста
и Наба. — Единственная спичка. — Пылающий костер. —
Ужин. — Первая ночь на суше*

Лишь только плот разгрузили, первой заботой Пенкрофа было сделать Трущобы пригодными для жилья, заложив коридоры, чтобы по ним не разгуливали сквозняки. Пустив в ход песок, камни, щиты, сплетенные из веток, и мокрую глину, Пенкроф и Герберт плотно закупорили галереи, открытые холодным ветрам, и отделили верхнюю петлю типографского знака &. Оставили только один узкий, соединявшийся с боковой галереей извилистый коридор, который

должен был служить дымоходом и давать тягу для очага. Теперь Трущобы состояли из трех-четырех «комнат», если можно так назвать темные берлоги, которыми вряд ли удовлетворялись бы даже дикие звери. Но здесь было сухо, и здесь можно было стоять, выпрямившись во весь рост, по крайней мере в самой большой из этих «зал», находившейся в середине. Землю везде устилал слой мелкого песка. Словом, оказалось возможным в ожидании лучшего как-нибудь приютиться в этом убежище. Работая над его благоустройством, Герберт и Пенкроф оживленно разговаривали.

— Может быть, наши товарищи отыскивали что-нибудь получше этих нор, — говорил Герберт.

— Может, и отыскиали, — отвечал Пенкроф, — но если не уверен, не сиди сложа руки! Лучше иметь запасное жилье, чем совсем остаться без крова.

— Ах, только бы они нашли мистера Смита! — повторял Герберт. — Тогда все будет хорошо. Больше ничего я у Неба не прошу!

— Да, — отозвался Пенкроф. — Вот был человек! Настоящий человек.

— Был? Почему ты говоришь «был»? Ты, значит, больше уж не надеешься увидеть его?

— Что ты, что ты! Боже упаси! — возразил моряк.

Работа по благоустройству Трущоб закончилась быстро, и Пенкроф заявил, что он вполне доволен.

— Ну теперь наши друзья могут возвращаться, — сказал он. — Пристанище у нас неплохое.

Оставалось только соорудить очаг и приготовить обед — дело, в сущности, простое и нетрудное. В глубине первого коридора слева сложили из плоских камней очаг возле отверстия «дымохода». Конечно, не все тепло выносило бы наружу вместе с дымом, и «комнаты» должны были нагреваться. Один из коридоров обратили в дровяник. Моряк стал укладывать в очаге дрова и мелкие сухие ветки. Он еще не закончил работу, как вдруг Герберт спросил, есть ли у них спички.

— Ну, разумеется, — ответил Пенкроф и добавил: — К счастью, есть. А то без спичек и без огнива пропадешь.

— Вовсе нет. Мы бы могли добыть огонь трением, как это делают дикари, — возразил Герберт. — Терли бы друг о друга две сухие чурки.

— Что ж, попробуй, дружок, попробуй. Увидишь, что ничего у тебя не выйдет, только руки себе натрудишь.

— Но ведь это способ очень простой, и его до сих пор применяют на многих островах Тихого океана.

— Я не говорю, что так нельзя добыть огня, — ответил Пенкроф, — но, надо полагать, дикари лучше нас за это дело умеют взяться, а может,

знают, какое надо выбрать дерево. Я вот, например, не раз пытался добыть огонь таким способом, и ничего у меня не получалось. Нет, я уж лучше спичками разожгу. Куда я их подевал?

Пенкроф поискал в карманах куртки коробку со спичками, с которыми никогда не расставался, как и полагается заядлому курильщику. Коробки там не оказалось. Он пошарил в карманах брюк, но и там не нашел драгоценной коробки.

— Вот глупость какая!.. Прямо беда! — сказал Пенкроф, растерянно глядя на Герберта. — Должно быть, из кармана выпала. Потерял я коробку. А у тебя, Герберт, ничего нет? Хоть зажигалки какой-нибудь, чтобы нашу печку растопить?

— Нет, Пенкроф, ничего нет.

Моряк, а вслед за ним и Герберт вышли из Трущоб. Пенкроф досадливо тер себе лоб.

Оба принялись усердно искать на песке и между скалами у берега реки, но поиски их оказались напрасными. А между тем медная коробочка, в которой Пенкроф держал спички, наверно, бросилась бы им в глаза.

— Слушай, Пенкроф, — спросил Герберт, — а когда мы были в гондоле, ты ее не выбросил за борт?

— Да разве бы я ее бросил! — возмутился моряк. — Только вот, может, сама выпала. Ведь нас крепко потрянуло, а долго ли выпасть такому малому предмету? Трубки и то я лишился. Проклятая коробка! Где же она может быть?

— Тогда вот что, — сказал Герберт, — как раз сейчас отлив, пойдем на берег, к тому месту, куда нас выкинуло. Может быть, найдем ее.

Мало было надежды разыскать коробку, — если даже море и выбросило ее, то, при большой воде, волны, вероятно, зарыли ее среди гальки. Однако не мешало попытаться счастья, и Герберт с Пенкрофом поспешно направились на конец той самой косы, у которой их выбросило накануне на сушу. Это место было шагах в двухстах от Трущоб. Там они тщательно осмотрели весь берег, усыпанный галькой, каждую впадину между камнями. Бесплодные старания! Если коробка и выпала тут, — должно быть, волны унесли ее в море. По мере того как отлив обнажал дно, моряк обшаривал каждую щель между рифами, но ничего не нашел. Потеря была очень тяжелая и пока что непоправимая.

Пенкроф не мог скрыть своего огорчения. На лбу у него залегли складки, он замкнулся в угрюмом молчании. Герберту очень хотелось его утешить, и он сказал, что, вероятно, спички подмокли и все равно от них не было бы никакой пользы.

— Да нет, голубчик, — ответил моряк. — Я их держал в медной коробке, и крышка прекрасно закрывалась! Как же нам теперь быть?

— Как-нибудь ухитримся добыть огонь, — сказал Герберт. — Мистер Смит и мистер Спилет не встанут в тупик, как мы с тобой!

— Может, и так, — уныло произнес Пенкроф. — Но сейчас-то мы не можем разжечь костер и, стало быть, плохо накормим друзей, когда они вернутся.

— Не горюй, — с живостью ответил Герберт. — Не может быть, чтоб у них не было спичек или хотя бы огнива.

— Сомневаюсь! — возразил моряк, качая головой. — Во-первых, Наб и мистер Смит не курят, а мистер Спилет, думается мне, скорее уж постарается спасти свою записную книжку, чем коробку спичек!

Герберт промолчал. Потеря коробки спичек была, разумеется, прискорбным событием, но юноша рассчитывал, что тем или другим способом огонь удастся добыть. Несмотря на свой решительный нрав, Пенкроф, как человек более опытный, не разделял уверенности своего воспитанника. Но как бы то ни было, оставалось только одно: ждать возвращения Наба и журналиста. Приходилось, однако, отказаться от намерения угостить их крутыми яйцами, а перспектива питаться сырыми ракушками вряд ли могла быть им приятной, так же как не улыбалась она и Пенкрофу.

На тот случай, если невозможно будет разжечь огонь, моряк и Герберт пополнили запас литодомов, а затем молча направились к своему жилищу.

Пенкроф шагал, устремив взгляд в землю, так как все надеялся найти исчезнувшую коробку. Он даже прошел по левому берегу речки от устья до той заводи, где они спустили на воду плот. Потом он взобрался на верхнее плато, исходил его во всех направлениях, искал и в высокой траве, зеленевшей на опушке леса, — все было напрасно!

Было пять часов вечера, когда Пенкроф с Гербертом вернулись в Трущобы. Разумеется, они и там все обшарили, вплоть до самых темных закоулков. Увы, от поисков спичечной коробки пришлось отказаться.

Около шести часов, когда солнце уже закатывалось за возвышенность, поднимающуюся на западе, Герберт, который бродил у берега моря, крикнул, что идут Наб и Гедеон Спилет. Но они возвращались одни!.. У юноши сжалось сердце от невыразимой тоски. Значит, предчувствия Пенкрофа оправдались! Сайреса Смита уже не найти!

Подойдя к Герберту, журналист молча сел на обломок скалы. Он возвратился еле живой от усталости и голода и не в силах был промолвить ни слова.

У Наба покраснели глаза, так много он плакал, и слезы, которые он и теперь не мог сдержать, ясно говорили о его отчаянии.

Журналист молча сел на обломок скалы.

Передохнув, журналист рассказал о бесплодных попытках найти Сайреса Смита. Вместе с Набом он прошел по берегу больше восьми миль, — следовательно, они зашли значительно дальше того места, около которого исчезли инженер и его собака Топ. Песчаный берег оказался совершенно пустынным. Ни единой приметы, никакого отпечатка. Незаметно было, что вот тут недавно перевернули камень, а там остался на песке след человеческой стопы; на всей этой части побережья не нашлось ни одного знака. Если это обитаемая земля, то, очевидно, ни один человек не появлялся на побережье. Море было так же пустынно, как и берег, близ которого инженер Смит нашел себе могилу.

Но при этих словах Наб вскочил и в страстном волнении, показавшем, что надежда еще живет в нем, воскликнул:

— Нет, нет, он не умер! Не может этого быть! Он, и вдруг так погибнуть! Не верю! Я или кто другой — может так умереть! А он — нет! Никогда!.. Он такой, такой человек... Он всякую беду одолеет!..

Силы изменили ему, он пошатнулся.

— Ох, сил больше нет, — тихо сказал он.

Герберт подбежал к нему.

— Наб, — сказал юноша, — не теряйте надежды. Господь возвратит его нам! А сейчас успокойтесь, отдохните. Вы голодны. Подкрепитесь немного. Поешьте, прошу вас.

И, говоря это, он положил перед беднягой Набом несколько горстей ракушек. Скучная и совсем не сытная трапеза.

Наб не ел уже много часов, но и тут он отказался от пищи. Лишившись своего хозяина, он не мог, он не хотел жить!

Что касается Гедеона Спилета, он проглотил немалое количество лито-домов, потом лег на песок под скалой. Он был крайне изнурен, но спокоен.

Герберт подошел к нему и сказал, взяв его за руку:

— Мистер Спилет, мы нашли убежище, где вам будет гораздо лучше, чем здесь. Уж ночь наступает. Пойдемте. Вам надо отдохнуть! А завтра посмотрим, что делать...

Журналист поднялся, и Герберт повел его к Трущобам.

В эту минуту Пенкроф подошел к Спилету и самым естественным тоном спросил, нет ли у него случайно спичек, хотя бы одной.

Журналист остановился, пошарил по карманам и, ничего там не обнаружив, ответил:

— Спички у меня были. Но, должно быть, я их выбросил...

Тогда Пенкроф окликнул Наба, задал ему тот же вопрос и получил такой же ответ.

— Эх, проклятье! — не сдержавшись, воскликнул моряк.

Услышав этот возглас, журналист подошел к Пенкрофу.

— Ни одной спички? — спросил он.

— Ни единой, и, стало быть, нечем разжечь огонь.

— Нечем, — горько повторил Наб. — Будь здесь мой хозяин, уж он бы сумел добыть огонь.

Все четверо застыли на месте, с тревогой глядя друг на друга. Герберт первым прервал тяжелое молчание:

— Мистер Спилет, вы ведь курильщик и всегда носите при себе спички! Может быть, вы плохо искали? Поищите хорошенько, пожалуйста! Нам достаточно одной спички.

Журналист снова принялся рыться в карманах жилета, брюк, пальто и, наконец, к великой радости Пенкрофа и крайнему своему удивлению, нащупал тоненькую палочку за подкладкой жилета. Он ее чувствовал сквозь ткань, он крепко сжимал пальцами спичку, но не мог вытащить. Это, несомненно, была спичка, одна-единственная спичка, и задача состояла в том, чтобы ее вытащить, не повредив фосфорной головки.

— Позвольте, я достану? — сказал Герберт.

И очень ловко, в целостности и сохранности он извлек из-за подкладки жилета спичку, ничтожную, но драгоценную палочку, имевшую сейчас такое важное значение. Головка нисколько не пострадала.

— Спичка! — воскликнул Пенкроф. — Я так рад, будто у нас целый воз спичек!

Он осторожно принял из рук Герберта спичку и направился вслед за своими товарищами к Трущобам.

Спички, которые в обитаемых краях так мало ценятся, которыми пользуются так равнодушно и жгут их так расточительно, тут были сокровищем, и с этой единственной спичкой нужно было обращаться с великой бережностью. Прежде всего моряк удостоверился, что спичка совершенно сухая. Потом он сказал:

— Бумаги бы надо.

— Вот, возьмите, — отозвался Гедеон Спилет, с некоторым трепетом вырывая листочек из своей записной книжки.

Пенкроф взял протянутый ему журналистом листок и присел на корточки перед очагом. Там уже лежал хворост, искусно уложенный так, чтобы между сучьями проходил воздух, а снизу были подложены сухие листья, сухая трава и сухой мох — растопка, которая должна была сразу запылать и быстро зажечь ветки.

Листок бумаги Пенкроф свернул фунтиком, как это делают курильщики, разжигая трубку на ветру, и пристроил этот фунтик среди мха. Затем взял шершавую гальку, тщательно обтер ее и, с сильно бьющимся сердцем, затаив дыхание, легонько чиркнул спичкой о гальку.

Первая попытка не дала результатов: Пенкроф боялся раскрошить фосфор и чиркнул слишком слабо.

— Нет, не могу, — сказал он, — рука дрожит... Только спичку испорчу... Не могу! Не стану больше! — И, поднявшись, Пенкроф попросил Герберта заменить его.

Юноша никогда еще не испытывал такой тревоги. Сердце у него колотилось. Наверное, Прометей, решаясь похитить огонь с неба, не ведал подобного волнения! Однако юноша, не раздумывая, быстро чиркнул спичкой о камешек. Послышался слабый треск, и на конце спички за-

— *Никогда еще так не волновался!* —
воскликнул Пенкроф.

трепетал голубоватый огонек, распространявший едкий дым. Герберт тихонько повернул спичку головкой вниз, чтоб огонек лучше разгорелся, потом осторожно просунул ее в бумажный колпачок. Бумага вспыхнула, и тотчас же загорелся мох.

Через несколько мгновений послышалось потрескивание разгоревшихся сучьев, и в темноте весело заиграло пламя костра, который моряк раздувал изо всех сил.

— Ну наконец-то! — вставая, воскликнул Пенкроф. — Прямо извелся! Никогда еще так не волновался!

Радостно было смотреть, как в очаге, сложенном из плоских камней, жарко горит огонь. Дым свободно выходил через узкий проход, тяга была хорошая, и вскоре по Трущобам уже разливалось приятное тепло.

За огнем, разумеется, надо было следить, а чтобы он не угасал окончательно, всегда сохранять под золой несколько раскаленных углей — дело нетрудное, требовавшее только заботы и внимания; дров в лесу было достаточно, и всегда можно было вовремя пополнить запас топлива.

Пенкроф решил прежде всего воспользоваться очагом для того, чтобы приготовить ужин посытнее, чем сырые литодомы. Герберт принес десятка три голубиных яиц. Журналист сидел в углу и безучастно смотрел на эти приготовления. Он старался разрешить три мучительных вопроса. Жив ли еще Сайрес? Если жив, то где он сейчас находится? Если он уцелел после своего падения в море, то чем объясняется то, что он не нашел возможности подать о себе весть? Вот о чем думал Гедеон Спилет, а Наб тем временем томился на берегу моря, блуждая там, словно тень, лишенная души.

Пенкроф знал пятьдесят два способа приготовления яиц, но тут у него не было выбора: пришлось просто испечь их в горячей золе.

Через несколько минут яйца испеклись, и моряк пригласил Гедеона Спилета принять участие в ужине. Такова была первая трапеза злополучных аэронавтов на неведомом для них берегу. Крутые яйца оказались очень вкусными, а так как в яйцах содержатся все питательные вещества, необходимые человеку, то несчастные путники хорошо подкрепились и вскоре почувствовали себя бодрее.

Ах, если бы возвратился тот, кого не хватало за этой трапезой! Если б все пятеро пленников, бежавших из Ричмонда, были сейчас вместе, в этом убежище среди скал, у этого ярко пылавшего костра, на этом сухом песке, — они от души возблагодарили бы Небо. Но, увы! Недоставало Сайреса Смита, человека такого изобретательного, такого ученого, признанного их главы, — он погиб, и они даже не могли предать земле его прах.

Так прошел день — 25 марта. Настала ночь. Снаружи доносилось завывание ветра и однообразный шум прибоя, ударявшегося о берег. Волны с оглушительным грохотом перекачивали камни и гальку.

Наскоро записав в свой блокнот события истекшего дня — появление неведомой земли, возможная гибель Сайреса Смита, поиски на побережье, эпизод со спичками и т. д., журналист улегся в углу темного коридора и, сломленный усталостью, наконец забылся сном.

Герберт заснул сразу. Моряк дремал, как говорится, вполглаза, прикрывшись у очага, не забывая подбрасывать в него дров.

Но один из обитателей Трущоб не мог сомкнуть глаз. Как ни уговаривали Наба его спутники прилечь, отдохнуть немного, он всю ночь напролет бродил по берегу моря и звал своего хозяина.

ГЛАВА VI

*Имущество потерпевших крушение. — Ровно ничего. —
Опаленная тряпка. — Прогулка в лес. — Лесная флора. —
Убежавший жакамар. — Следы диких зверей. — Куруку. —
Тетерева. — Удивительное применение удочек*

Имущество наших аэронавтов, потерпевших крушение и выброшенных на неведомую землю, перечислить нетрудно: у них не осталось ровно ничего, кроме той одежды, которая была на них в момент катастрофы. Впрочем, нужно упомянуть, что у Гедеона Спилета — вероятно, по чистой случайности — уцелели часы и записная книжка, но ни у кого не сохранилось ни оружия, ни инструментов, ни даже перочинного ножа. Пассажиры воздушного шара все выбросили за борт гондолы, чтобы облегчить груз аэростата.

Вымышленные герои Даниеля Дефо и Виса, все эти Селькирки и Рейналы, потерпевшие крушение у острова Хуан-Фернандес или в Оклендском архипелаге, никогда не попадали в такое положение. Все для себя необходимое они находили на своем разбитом корабле — и зерно, и домашних животных, и инструменты, и ружья, и запасы пороха и пуль, — или же море выбрасывало на берег обломки судна и часть его груза, дававшие им возможность удовлетворять свои насущные потребности. Они не оказывались безоружными перед лицом природы. Но у наших путешников не было ни одного инструмента и никакой утвари. Из ничего надо было создать все!

Если б еще судьба возвратила им Сайреса Смита, если б он своими знаниями и практическим умом помог в беде товарищам, — надежда, возможно, еще не была бы потеряна. Увы! Нечего было и думать, что он вернется. Потерпевшим крушение приходилось рассчитывать только на самих себя и на помощь Провидения, ибо оно никогда не оставляет тех, кто полон искренней веры.

Но прежде чем обосноваться на этом побережье, разве не нужно было путешникам узнать, куда они попали? Где они? На каком-нибудь материке или на острове? Живут ли в этих краях люди, или это берег необитаемой земли?

Столь важный вопрос следовало выяснить как можно скорее, — от этого зависели все дальнейшие шаги, которые могли предпринять наши путешники. Однако, по совету Пенкрофа, решили подождать несколько дней, прежде чем отправиться на разведку. Сначала надо было раздобыть провиант и запастись в дорогу не голубиными яйцами и ракушками, а более сытной снедью. Вероятно, предстоят утомительные переходы, на

привалах не будет крова над головой, — в таких условиях людям прежде всего необходимо хоть пищей подкреплять свои силы.

Для временной стоянки можно было удовлетвориться и Трущобами. Огонь удалось разжечь, сохранять под слоем золы кучку тлеющих углей было нетрудно. Пока что достаточно имелось ракушек на берегу и яиц в гнездах диких голубей среди скал. Голуби сотнями кружили над карнизом плато, и, вероятно, нашелся бы какой-нибудь способ убить несколько штук хотя бы ударом палки или метко брошенным камнем. Может быть, в соседнем лесу растут деревья, приносящие съедобные плоды. И, наконец, рядом протекает река — источник пресной воды. Словом, было решено остаться еще на несколько дней в Трущобах и заняться подготовкой к экспедиции для исследования побережья и ближайших окрестностей.

Наб горячо одобрил намерение задержаться некоторое время на стоянке, — он упорно цеплялся за свою надежду и не хотел удаляться от той части берега, где произошла катастрофа. Он не верил, не хотел верить предположению, что Сайреса Смита больше нет в живых. Ему казалось просто невозможным, чтобы такой человек погиб столь нелепой смертью, чтобы волна смыла его и он утонул совсем близко от берега! Нет, пока море не выбросит на берег труп Сайреса Смита и пока он, Наб, собственными глазами не увидит его, не коснется руками, — он не поверит в гибель своего хозяина! Мысль эта крепко завладела Набом, в сердце его не угасала надежда. Быть может, он сам себя обманывал, но такой самообман заслуживал уважения, и Пенкроф не решался разубеждать Наба. Сам же он был уверен, что инженер Сайрес Смит нашел себе могилу в пучине океана, но с Набом, конечно, спорить было невозможно. В своей привязанности к Сайресу Смицу он был подобен верной собаке, которая не может уйти с того места, где умер ее хозяин, и горе так снедало его, что вряд ли он был в силах перенести свою утрату.

Утром 26 марта, чуть рассвело, Наб снова отправился на берег и пошел по направлению к северу, туда, где, по всей вероятности, волны океана сомкнулись над головой несчастного Сайреса Смита.

Завтрак в то утро опять состоял лишь из голубиных яиц и ракушек. Герберт нашел во впадине скалы соль, оставшуюся после испарения морской воды, и эта минеральная приправа пришлась очень кстати.

Покончив с едой, Пенкроф спросил журналиста, не желает ли тот пойти вместе с ним и с Гербертом в лес, где они собираются поохотиться. Но, обсудив этот вопрос, обитатели Трущоб решили, что кому-нибудь нужно остаться на стоянке для того, чтобы поддерживать огонь в очаге, а также на тот маловероятный случай, если Наб найдет хозяина и ему понадобится помощь.

Хранителем огня остался Гедеон Спилет.

— Ну пойдем, Герберт, на охоту! — воскликнул моряк. — Пули подберем дорогой на земле, а ружье выломаем в лесу.

Перед уходом Герберт сказал, что, раз у них нет трута для высекания огня, было бы неплохо чем-нибудь его заменить.

— Чем? — спросил Пенкроф.

— Опаленной тряпкой, — ответил юноша. — В случае надобности она может заменить трут.

Моряк признал предложение Герберта вполне разумным. Правда, жаль было пожертвовать обрывком носового платка, но цель оправдывала такую жертву, и вскоре от обширного клетчатого платка Пенкрофа был оторван лоскут и опален на огне. Эту легко воспламеняющуюся ткань спрятали в средней «комнате», в узкой впадине каменной глыбы, — там она была защищена от ветра и от сырости.

Было девять часов утра. Погода хмурилась, дул сильный юго-восточный ветер. Герберт и Пенкроф завернули за скалы, образовавшие Трущобы, и оба бросили взгляд на струйку дыма, извивавшуюся над одним из выступов каменной кровли; затем они направились по левому берегу реки вверх по течению.

Как только дошли до леса, Пенкроф сломал две толстых ветки, которые стали палицами наших охотников; Герберт обточил концы этих дубинок об острый край скалы. Ах, чего бы он не дал за самый обыкновенный нож! Охотники двинулись дальше по берегу, поросшему высокой травой. Начиная с той излучины, где речка резко поворачивала на юго-запад, она становилась все уже, текла в очень высоких берегах, и над ней арками сплетались ветви деревьев. Боясь заблудиться, Пенкроф решил, что и возвращаться надо будет берегом реки, — она приведет их к тому месту, откуда они вышли. Но избранный им путь оказался очень нелегким: тут мешали гибкие ветви деревьев, склонившиеся к самой воде, там дорогу преграждали лианы или колючий кустарник, и приходилось дубинкой расчищать себе путь. Зачастую Герберт с проворством дикой кошки, проскользнув между кустами, исчезал в густых зарослях. Но Пенкроф тотчас звал его обратно и настойчиво просил не отходить в сторону.

Моряк внимательно присматривался к рельефу местности, подмечал характер ее природы. Левый берег был низкий и переходил в незаметно повышавшуюся равнину. Кое-где он становился болотистым — чувствовалось, что тут под почвой целой сетью струек бегут родники, ищут себе выхода и, найдя его, изливаются в реку. Иногда зеленую чашу прорезал ручей, но через него нетрудно было перебраться. Правый берег был высокий, неровный и отчетливо обрисовывал очертания ложбины, по которой пролегало русло реки. По его уступам росли деревья, закрывая кругозор. Идти правым берегом было бы куда труднее, так как неред-

Пенкроф заметил свежие следы четвероногих.

ко склон его становился обрывистым; деревья, сгибавшиеся к воде, держались там лишь силой крепких корней.

Нечего и говорить, что в этом лесу так же, как и на берегу моря, где они уже побывали, не было никаких признаков присутствия человека. Пенкроф заметил только свежие следы четвероногих, — несомненно, здесь недавно проходили звери, но какие именно — он не мог определить. Очень возможно, думал Герберт, что сюда наведывались и грозные хищники, с которыми им, вероятно, когда-нибудь придется столкнуться, но нигде не было ни зарубки, сделанной на дереве топором, ни остатков угасшего костра, ни отпечатка человеческой ноги; впрочем, этому, пожа-

луй, следовало порадоваться: встреча с человеком в диких делях у берегов Тихого океана ничего хорошего не сулила.

Герберт и Пенкроф почти не разговаривали, так как дорога была тяжелой, и продвигались они очень медленно — за целый час едва ли прошли одну милю. Пока что охотники не могли похвастаться удачей. Кругом раздавался птичий гомон, птицы перепархивали с дерева на дерево, но все они оказались очень пугливы, как будто верный инстинкт внушал им страх перед людьми. В болотистой части леса Герберт заметил среди пернатых птицу с длинным и острым клювом, похожую на зимородка-рыболова, — однако от рыболова она отличалась более ярким оперением с металлическим отливом.

— Это, должно быть, жакамар, — прошептал Герберт, пытаясь незаметно приблизиться к птице.

— Хорошо бы отведать этого жакамара, — заметил Пенкроф, — если он согласится попасть к нам на жаркое.

В это мгновение камень, ловко брошенный Гербертом, подбил жакамару крыло, но не свалил с ног птицу, она обратилась в бегство и вмиг исчезла.

— Экий я разиня! — воскликнул Герберт.

— Нет, голубчик, — утешал его моряк, — удар был очень меткий, другому бы ни за что так не попасть. Не горюй! Мы твоего жакамара в другой раз поймает!

Обследование местности продолжалось. Охотники заметили, что чаща постепенно редет, деревья уже не заглушают друг друга и разрастаются превосходно, но ни на одном не было съедобных плодов. Напрасно Пенкроф искал здесь драгоценных для человека пальмовых деревьев, которые приносят ему столько пользы и встречаются в Северном полушарии вплоть до сороковой параллели, а в Южном — до тридцать пятой. Но тут лес состоял только из хвойных деревьев — таких, например, как деодары, которые Герберт заметил уже накануне, дугласы, похожие на те, что растут на северо-западном берегу Америки, и великолепные сосны высотой в сто пятьдесят футов.

Вдруг перед нашими охотниками пронеслась большая стая красивых пестрых птичек с длинными хвостами переливчатой окраски; они тучей спустились на ветки деревьев, роняя перышки, и усеяли землю нежным пухом. Герберт подобрал несколько перышек и, рассмотрев их, сказал:

— Это куруку.

— Лучше бы цесарку или глухаря поймать, — заметил Пенкроф. — Разве такие пташки для еды годятся?..

— Годятся, — ответил Герберт, — мясо у них очень нежное. И если не ошибаюсь, к ним очень легко можно подобраться и убить их просто палкой.

Моряк и Герберт, прячась в высокой траве, подкрались к дереву, у которого нижние ветки были сплошь усеяны птичками. Куруку подстерегали насекомых, служивших им пищей. Видно было, как они крепко уцепились мохнатыми лапками за веточки, на которые уселись.

Охотники поднялись и, взмахивая своими дубинками, как косами, сбивали куруку целыми рядами, но глупые птицы и не думали улетать. Лишь когда на земле их лежало уже не меньше сотни, остальные умчались прочь.

— Вот повезло! — воскликнул Пенкроф. — Дичь как раз для таких охотников, как мы! Бери ее просто руками.

Убитых птичек моряк нанизал на гибкий прутик, и охотники отправились дальше. Они заметили, что река поворачивает к югу, но, по всей вероятности, это была лишь излучина, истоки же реки должны были находиться на севере, в горах, где ее питали тающие снега, покрывавшие склоны центральной конусообразной вершины.

Как известно, Пенкроф и Герберт отправились в поход с тем, чтобы принести для обитателей Трущоб как можно больше дичи. Задача эта еще не была выполнена. Поэтому моряк деятельно продолжал поиски и слал проклятия, когда, промелькнув перед ним в высокой траве, исчезала какая-нибудь дичь, которую он даже не успевал разглядеть. Ах, если б охотников сопровождала собака! Но Топ исчез одновременно с хозяином и, вероятно, погиб вместе с ним.

Около трех часов дня охотники увидели на прогалинке между деревьями новую стаю птиц, которые сидели на кустах можжевельника и клевали его пахучие ягоды. Вдруг по лесу разнесся звук, похожий на пение медной фанфары. Эти странные, трубные звуки издавали птицы, принадлежавшие к семейству куриных, — тетерева, которых в Соединенных Штатах называют «тетрасы». Вскоре на прогалину вылетело несколько пар этих птиц. Окраска у них была рыжеватая, переходившая в коричневую, и темно-коричневый хвост. Герберт узнал самцов по красивому пушистому воротнику с двумя остроконечными зубцами по обе стороны шеи. Птицы эти величиною с курицу, а мясо у них такое же вкусное, как у рябчиков. Пенкроф решил во что бы то ни стало поймать хоть одного тетраса. Но задача оказалась трудной, — тетерева не подпускали к себе охотников. После нескольких бесплодных попыток, только вспугнувших осторожных птиц, Пенкроф сказал:

— Ну раз нельзя их подбить камнем, попробуем поймать на удочку.

— Будто окуней? — удивленно спросил Герберт.

— Будто окуней, — ответил моряк совершенно серьезным тоном.

Пенкроф нашел в траве с полдюжины тетеревиных гнезд, в каждом было по два, по три яйца. Моряк не тронул этих гнезд, зная, что птицы обязательно к ним вернуться, а вокруг гнезд он решил расставить свои

удочки, — не силки с петлей, а настоящие удочки с крючком. Он отвел Герберта в сторону и там приготовил свою удивительную снасть, с терпением и ловкостью, которые сделали бы честь даже ученику Исаака Уалтона¹. Герберт следил за его работой с вполне понятным интересом, но сомневался в успехе этого замысла. Лески Пенкроф сделал длиной в пятнадцать — двадцать футов из тонких сухих лиан, связав их между собой. Крючками послужили очень крепкие шипы с загнутым концом, которые он обломал с куста карликовой акации. Пенкроф привязал их к своим лескам и насадил на эти крючки приманку — толстых красных червяков, ползавших по земле.

Закончив работу, Пенкроф, ловко прячась в высокой траве, подобрался к тетеревиным гнездам и разложил возле них свои лески с приманкой. Потом он вернулся и, зажав в руке свободные концы лесок, спрятался вместе с Гербертом за толстое дерево. Оба охотника замерли в терпеливом ожидании. Герберт, однако, не очень рассчитывал на успех изобретения Пенкрофа.

Прошло с полчаса, и, как предвидел моряк, тетерева и тетерки вернулись к своим гнездам. Самцы, подпрыгивая, расхаживали около гнездовья, что-то выклевывали из земли, совсем не замечая охотников, которые, кстати сказать, постарались укрыться с подветренной стороны.

Герберта, разумеется, очень увлекла эта охота. Он ждал затаив дыхание. А моряк, замирая от волнения, не сводил глаз с тетеревов, раскрыв рот и вытянув губы трубочкой, как будто хотел проглотить лакомый кусочек.

Однако тетерева бродили между удочками, не обращая на них никакого внимания. Пенкроф легонько подергал лески, и червяки зашевелились, словно были еще живые.

Несомненно, в эту минуту моряк волновался куда сильнее, чем рыбовод, который, сидя с удочкой на берегу, не может видеть сквозь толщу воды, как рыба вертится около приманки.

Червяки, колыхавшиеся от подергивания лески, привлекли к себе внимание птиц, и острые их клювы ухватили добычу. Три тетерева, видимо очень прожорливые, жадно проглотили и червяков и крючки. Пенкроф сразу подсек свои удочки, и шумное трепыхание крыльев указало ему, что птицы попались.

— Ура! — закричал он и, бросившись к тетеревам, мигом схватил пойманную дичь.

Герберт захолопал в ладоши. Впервые он видел, как ловят птиц на удочку. Но Пенкроф скромно сказал, что хотя это и не первый его опыт, однако заслуга такого изобретения принадлежит не ему.

---

¹ Известный автор руководства по ужению рыбы. (*Прим. автора.*)

— Ура! — закричал Пенкроф.

— Способ для нас очень удобный, — заметил он. — Да и то ли нам еще придется придумывать в нашем положении.

Тетеревов привязали за лапы, и Пенкроф, просияв от мысли, что с охоты он вернется не с пустыми руками, предложил идти поскорее домой, так как уже начинает смеркаться.

Дорогу к Трущобам найти оказалось нетрудно. Нужно было только не отдаляться от реки и идти вниз по течению. Около шести часов вечера Герберт и Пенкроф, усталые, но довольные, возвратились к своему убежищу.

ГЛАВА VII

Наб все не возвращается. — Размышления Гедена Спилета. — Ужин. — Тревожная ночь. — Буря. — Поиски в ночную пору. — Борьба с дождем и ветром. — В восьми милях от первого убежища

Геден Спилет неподвижно стоял на берегу, скрестив на груди руки, и смотрел, как над морем с востока быстро надвигается черная грозовая туча. Ветер крепчал, с наступлением сумерек стало холодно. Небо было каким-то зловещим, все предвешало приближение шторма.

Герберт пошел в Трущобы, а Пенкроф направился на берег моря, к журналисту. Спилет, задумавшись, не заметил, как он подошел.

— Ох, ночью и непогода же разыграется, мистер Спилет! — сказал моряк. — Штормовая, с дождем! На радость буревестникам.

Геден Спилет обернулся и, увидев Пенкрофа, вдруг спросил:

— Как, по-вашему, на каком расстоянии от берега волна нашего товарища?

Пенкроф, не ожидавший такого вопроса, удивленно посмотрел на Спилета и, подумав немного, ответил:

— Да не больше как в двух кабельтовых.

— А что такое кабельтов?

— Сто двадцать сажений, или шестьсот футов.

— Так, значит, Сайрес Смит исчез на расстоянии тысячи двухсот футов от берега?

— Вроде того.

— И собака исчезла вместе с ним?

— И собака.

— Меня вот что удивляет, — продолжал Спилет. — Допустим, что наш товарищ погиб, а вместе с ним погибла и собака, — но как же это море не выбросило до сих пор на берег ни труп собаки, ни мертвое тело хозяина.

— Что ж тут удивительного? Вон какое волнение на море, — ответил Пенкроф. — А может быть, их отнесло течением далеко отсюда.

— Так вы считаете, что товарищ наш утонул? — еще раз спросил журналист.

— По-моему, утонул.

— А по-моему — нет, — сказал Геден Спилет. — Хотя я с уважением отношусь к вашей опытности, Пенкроф, но это бесследное исчезновение и Сайреса и его собаки — живы они или мертвы — мне кажется просто непостижимым, невероятным.

— Рад бы согласиться с вами, — ответил Пенкроф, — но, к сожалению, не могу!

Сказав это, Пенкроф возвратился в Трущобы. Там в очаге уже горел яркий огонь, Герберт подкинул в него охапку сухого хвороста, и высокие языки пламени осветили все темные закоулки коридора.

Пенкроф тотчас занялся приготовлением обеда. Он считал необходимым накормить товарищей посытнее, зная, как им нужно подкрепить свои силы. Нанизанных на прут птичек он оставил на завтра, но из трех тетеревов двух ошипал, выпотрошил, и вскоре представители семейства куриных уже поджаривались на импровизированном вертеле.

В семь часов вечера Наба все еще не было. Отсутствие его очень беспокоило Пенкрофа, — он боялся, как бы не случилась с ним какая-нибудь беда на этой незнакомой земле. А что, если бедняга Наб в отчаянии наложил на себя руки? Но Герберт делал совсем иные выводы из долгого отсутствия Наба. Он уверял, что если Наб не возвращается, значит, что-то побудило его продолжать поиски, значит, появились какие-то обстоятельства, конечно благоприятные для Сайреса Смита. Почему Наб не возвращается? Несомненно, из-за того, что его надежда окрепла. Может быть, он обнаружил на берегу отпечатки ног Сайреса Смита, обрывок оболочки аэростата и ведет дальше свои розыски. Может быть, он уже набрел на верный след. Может быть, даже нашел своего хозяина...

Так размышлял и так говорил Герберт. Спутники не возражали юноше. Журналист даже кивал головой в знак согласия. Но Пенкроф думал иначе — он полагал, что Наб во время поисков зашел еще дальше, чем вчера, и потому не успел вернуться засветло.

Какие-то смутные предчувствия волновали Герберта, и он несколько раз порывался пойти навстречу Набу. Но Пенкроф убеждал его, что это совершенно бесполезно: в такой темноте, да еще в такую ужасную погоду, невозможно найти Наба, и лучше всего подождать его в убежище. Если завтра утром негр не вернется, то Пенкроф без всяких разговоров пойдет вместе с Гербертом разыскивать Наба.

Геден Спилет поддержал моряка, говоря, что им не следует разлучаться, и Герберту пришлось отказаться от своего намерения, но сделал он это с горестью, из глаз его покатались слезы.

Журналист не мог удержаться и поцеловал великодушного юношу.

Тем временем действительно разыгралась непогода. С дикой силой налетели порывы юго-восточного ветра. В темноте слышно было, как море, где наступил тогда отлив, ревело и билось вдали от берега, у первой полосы рифов. Подхватывая струи дождя, шквал дробил их в водяную пыль и мчал в пространство облаком холодной влаги. По берегу словно ползли клочья седых туманов; море с таким грохотом перекатывало камни, как будто кругом одну за другой опрокидывали телеги, груженные булыжниками. Поднимая целые тучи песку, ветер смешивал их с потоками

ми ливня, и выдержать его напор было невозможно. Воздух был насыщен песочной и дождевой пылью. Ударяясь о прибрежный гранитный вал, ветер кружился вихрем, не находя себе иного выхода, с бешеной силой врвался в ущелье, откуда вытекала речка, и с диким воем гнал вспять ее вздувшиеся воды. Неистовые порывы ветра то и дело забивали обратно в узкую щель, служившую дымоходом, весь дым от очага, и в коридорах Трущоб нечем было дышать.

Поэтому Пенкроф, как только тетерева изжарились, погасил костер и, оставив лишь несколько тлеющих углей, прикрыл их золой.

В восемь часов вечера Наб еще не вернулся, но теперь вполне можно было предположить, что его задержала буря, что ему пришлось искать себе пристанища в какой-нибудь пещере и он переживает, когда кончится непогода, или просто хочет дождаться рассвета. Нечего было и думать идти ему навстречу.

Ужин состоял только из одного блюда — жареной дичи. Все отдали ему честь, тем более что мясо тетеревов славится своим превосходным вкусом. После долгой охотничьей экспедиции Пенкроф и Герберт сильно проголодались и ели теперь с волчьим аппетитом.

Поужинав, каждый устроился в том самом углу, где спал накануне; первым, конечно, заснул юный Герберт, прикорнув возле моряка, который расположился у костра.

Потекли ночные часы; буря все усиливалась и с грозной силой бушевала во мраке. Налетел ураган, похожий на тот, который унес пленников из Ричмонда и забросил их на эту землю среди Тихого океана. Над его бескрайней ширью нет преград для ярости ветров; бури, очень частые в пору равноденствия, свирепствуют там на полной воле, творя жестокие бедствия! Вполне понятно, что берег, обращенный к востоку, то есть как раз навстречу порывам урагана, принимал на себя все его удары, и самые яркие описания не могут передать, с какой невероятной силой он бросился в наступление на землю.

К счастью, нагромождение скал, образовавшее Трущобы, держалось прочно. Но даже среди этих огромных каменных глыб иные, наименее устойчивые, казалось, слегка покачивались.

Пенкроф заметил это: приложив ладони к гранитной глыбе, он почувствовал, что она чуть-чуть колеблется. Но он успокаивал себя, справедливо рассуждая, что бояться нечего, ибо это импровизированное жилище не рухнет. Однако он слышал, как грохочут камни, которые ветер сбивал с края верхнего плато и гнал по склону до самого моря. Иногда срывавшиеся камни падали на скалы, служившие Трущобам кровлей, и если они летели отвесно, то, ударяясь о гранит, разбивались на мелкие осколки. Два раза моряк вставал и, хватаясь за стенку каменного коридора, добирался до выхода — посмотреть, что там творится. Но обвалы были не-

*Два раза моряк, хватаясь за стенку
каменного коридора, добирался до выхода.*

значительны, они не представляли никакой опасности, и Пенкроф, возвратившись на свое место, снова ложился около очага, где под слоем пепла тихо потрескивали раскаленные угли.

Несмотря на свирепый ураган, вой ветра и грохот обвалов, Герберт спал крепким сном. Задремал наконец и Пенкроф, привыкший в своей жизни ко всяким бурям. Только Гедеон Спилет не мог заснуть. Он корил себя, зачем не пошел вместе с Набом. Мы уже говорили, что надежда не оставляла Спилета. Предчувствия, волновавшие Герберта, волновали и его самого. Он все думал о Набе. Почему Наб не вернулся? И журналист

в тревоге ворочался с боку на бок на своем песчаном ложе, едва замечая битву стихий. Иногда усталость брала свое, на мгновение его отяжелевшие веки смыкались, но тотчас же какая-нибудь мысль, промелькнувшая в голове, будила его, и он открывал глаза.

Время шло. Было, вероятно, уже два часа ночи, как вдруг Пенкрофа, заснувшего крепким сном, кто-то встряхнул за плечо.

— Что? Кто тут? — вскрикнул Пенкроф, мгновенно проснувшись, как это и подобает истому моряку.

Журналист, наклонившись к нему, сказал вполголоса:

— Прислушайтесь, Пенкроф, прислушайтесь!

Моряк насторожился, но ничего не услышал, кроме завываний ветра.

— Ветер воеет, — сказал он.

— Нет, — возразил Спилет, напряженно вслушиваясь. — Я как будто слышал...

— Что слышали?

— Лай собаки.

— Лай собаки? — воскликнул Пенкроф и тотчас вскочил на ноги.

— Да, да... Лай собаки...

— Нет, какое там!.. Да и буря так ревет... Разве услышишь.

— Пойдите. Опять лает! Слушайте... — быстро проговорил журналист.

Пенкроф весь обратился в слух и действительно в мгновение затишья как будто услышал донесшийся издали лай собаки.

— Ну что? — прошептал журналист, крепко стиснув Пенкрофу руку.

— Да, да! — ответил Пенкроф. — Это Топ лает!

— Топ! — воскликнул проснувшийся Герберт, и все трое бросились к выходу из Трущоб.

Вокруг царил непроглядная тьма. Море, небо, земля были неразличимы в этом черном мраке. Казалось, в мире нет ни единой искорки света.

Выбраться наружу стоило великого труда. При каждой попытке ветер отбрасывал их назад. Наконец удалось побороть порыв ветра, но, чтобы удержаться на ногах, пришлось прислониться к скале. Они молча смотрели друг на друга, разговаривать было невозможно.

Несколько минут Гедеон Спилет и оба его спутника не могли ступить ни шагу — шквал словно пригвоздил их к скале, все трое промокли до нитки, песок слепил глаза. И вдруг в краткое мгновение затишья они явно слышали отдаленный лай собаки.

Так лаять мог только Топ! Но прибежал ли верный пес один или кто-нибудь был с ним? Вероятно, один, — ведь если бы вместе с ним шел Наб, он несомненно поспешил бы вернуться в Трущобы.

Собака словно ждала этого сигнала.

В налетевшем порыве ветра невозможно было перемолвиться ни одним словом, и моряк только крепко сжал руку Гедону Спилету, как будто хотел сказать ему: «Подождите», и скрылся в каменном коридоре.

Через мгновение он вышел, держа в руках вязанку зажженного хвороста, и принялся размахивать ею в темноте, оглашая воздух пронзительным свистом.

Собака словно ждала этого сигнала: лай послышался ближе, и вскоре она вбежала в каменный проход. Пенкроф, Герберт и Гедон Спилет поспешили вслед за ней.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

КРУШЕНИЕ В ВОЗДУХЕ

<i>Глава I.</i> Ураган 1865 года. — Возгласы над морской пучиной. — Воздушный шар, унесенный бурей. — Разорванная оболочка. — Кругом только море. — Пять путешественников. — Что произошло в гондоле. — Земля на горизонте. — Развязка драмы	3
<i>Глава II.</i> Эпизод Гражданской войны в США. — Инженер Сайрес Смит. — Гедеон Спилет. — Негр Наб. — Моряк Пенкроф. — Юный Герберт. — Неожиданное предложение. — Свидание в десять часов вечера. — Отлет в бурю	10
<i>Глава III.</i> В пять часов вечера. — Тот, кого не хватает. — Отчаяние Наба. — Поиски в северном направлении. — Островок. — Ночь тоски и тревоги. — Утренний туман. — Наб пускается вплавь. — Земля в виду. — Переправа через пролив	20
<i>Глава IV.</i> Литодомы. — Устье реки. — Трущобы. — Продолжение поисков. — Зеленая чаща леса. — Запас топлива. — Ожидание прилива. — На гребне гранитного кряжа. — Плот. — Возвращение на берег	27
<i>Глава V.</i> Благоустройство Трущоб. — Важнейший вопрос — как добыть огонь. — Коробка спичек. — Поиски на берегу. — Возвращение журналиста и Наба. — Единственная спичка. — Пылающий костер. — Ужин. — Первая ночь на суше	36
<i>Глава VI.</i> Имущество потерпевших крушение. — Ровно ничего. — Опаленная тряпка. — Прогулка в лес. — Лесная флора. — Убедивший жакамар. — Следы диких зверей. — Куруку. — Тетерева. — Удивительное применение удочек	45
<i>Глава VII.</i> Наб все не возвращается. — Размышления Гедеона Спилета. — Ужин. — Тревожная ночь. — Буря. — Поиски в ночную пору. — Борьба с дождем и ветром. — В восьми милях от первого убежища	53
<i>Глава VIII.</i> Жив ли Сайрес Смит? — Рассказ Наба. — Следы на песке. — Неразрешимая загадка. — Первые слова Сайреса Смита. — Изучение следов. — Обратное в Трущобы. — Ужас Пенкрофа	62
<i>Глава IX.</i> Сайрес вновь с товарищами. — Попытки Пенкрофа. — Безуспешная попытка. — Остров или материк? — Замыслы инженера Смита. — В каком месте Тихого океана? — В лесной чаще. — Сосновая шишка. — Охота на водосвинку. — Многообещающий дымок	70
<i>Глава X.</i> Изобретение инженера. — Вопрос, беспокоящий Сайреса Смита. — Экспедиция в горы. — Лес. — Вулканическая почва. — Трагопаны. — Муфлоны. — Первая площадка. — Ночлег. — На вершине горы	81
<i>Глава XI.</i> На вершине потухшего вулкана. — Внутри кратера. — Вокруг — только океан. — Вид берега с высоты птичьего полета. — Гидрография и орография. — Обитаем ли остров? — Крещение заливов, бухт, мысов, рек и так далее. — Остров Линкольна	90
<i>Глава XII.</i> Проверка часов. — Пенкроф доволен. — Подозрительный дым. — Красный ручей. — Флора острова Линкольна. — Фауна. — Горные фазаны. — Охота на кенгуру. — Агути. — Озеро Гранта. — Возвращение в убежище	100

<i>Глава XIII.</i> Что носил на себе Топ. — Лук и стрелы. — Кирпичный завод. — Гончарная печь. — Кухонная утварь. — Первая похлебка. — Полынь. — Южный Крест. — Важное астрономическое наблюдение	110
<i>Глава XIV.</i> Высота гранитной стены. — Применение теоремы о подобных треугольниках. — Географическая широта острова. — Экспедиция в северную часть острова. — Устричная отмель. — Планы на будущее. — Солнце проходит через меридиан. — Координаты острова Линкольна	121
<i>Глава XV.</i> Зимовка неизбежна. — Вопросы металлургии. — Исследование островка Спасения. — Охота на тюленей. — Диковинный зверь. — Коала. — Каталонский способ. — Выплавка железа. — Как получить сталь	130
<i>Глава XVI.</i> Вторичное обсуждение вопроса о жилище. — Фантазии Пенкрофа. — Исследование северной части острова. — Северный край плоскогорья. — Змеи. — Дальний край озера. — Беспokoйство Топа. — Топ бросается в озеро. — Битва под водой. — Дюгонь	139
<i>Глава XVII.</i> Исследование озера. — Течение указывает. — План Сайреса Смита. — Жир дюгоня. — Применение серного колчедана. — Сернистое железо. — Как делается глицерин. — Мыло. — Селитра. — Серная кислота. — Азотная кислота. — Рождение водопада	148
<i>Глава XVIII.</i> Пенкроф больше не знает сомнений. — Прежний водосток. — Подземный ход. — Сквозь гранитный кряж. — Топ исчез. — Центральная пещера. — Нижний колодец. — Тайна. — Ударами кирки. — Возвращение	158
<i>Глава XIX.</i> План Сайреса Смита. — Фасад Гранитного дворца. — Веревоочная лестница. — Мечты Пенкрофа. — Душистые травы. — Природный кроличий садок. — Водопровод для нового жилища. — Вид из окон Гранитного дворца	166
<i>Глава XX.</i> Сезон дождей. — Вопрос одежды. — Охота на тюленей. — Изготовление свечей. — Работа по отделке Гранитного дворца. — Два мостика. — Снова на устричной отмели. — Что Герберт нашел у себя в кармане	175
<i>Глава XXI.</i> Несколько градусов ниже нуля. — Обследование болотистой юго-восточной части острова. — Лисицы. — Картина моря. — Беседа о судьбах Тихого океана. — Непрестанная работа инфузорий. — Что станет с землей. — Охота. — Утиное болото	183
<i>Глава XXII.</i> Западни. — Лисицы. — Пекари. — Ветер с северо-запада. — Вьюга. — Корзинщики. — В разгар морозов. — Сахароварение. — Загадочный колодец. — Проектируемое исследование. — Дробинка	191

Часть вторая **ПОКИНУТЫЙ**

<i>Глава I.</i> Дробинка. — Постройка пироги. — Охота. — На верхушке каури. — Ничто не говорит о присутствии человека. — Наб и Герберт на рыбной ловле. — Черепаха перевернута. — Черепаха исчезла. — Сайрес Смит дает объяснение	203
<i>Глава II.</i> Первое испытание пироги. — Вещи, найденные на берегу моря. — Буксир. — Мыс Находки. — Содержимое ящика. — Инструменты, оружие, приборы, одежда, книги, утварь. — Чего не хватает Пенкрофу. — Евангелие. — Стих из Священной книги	211
<i>Глава III.</i> Отплытие. — Начало прилива. — Вязы и крапивные деревья. — Различные растения. — Жакамар. — Лесной пейзаж. — Эвкалипты-великаны. — Деревья, предохраняющие от лихорадки. — Стаи обезьян. — Водопад. — Ночлег	221

<i>Глава IV.</i> По пути к побережью. — Обезьяны. — Еще одна река. — Почему не ощущается прилив. — Лес вместо берега. — Змеинный мыс. — Герберт завидует Гедену Спилету. — Как горит бамбук	230
<i>Глава V.</i> Решено вернуться назад по южному побережью. — Очертание берега. — Поиски следов кораблекрушения. — То, что осталось от воздушного шара. — Открытие естественной гавани. — В полночь на берегу реки Благодарения. — Лодка уплыла	238
<i>Глава VI.</i> Окрики Пенкрофа. — Ночь в Трущобах. — Стрела Герберта. — План Сайреса Смита. — Неожиданно найден выход. — Что произошло в Гранитном дворце. — Как у поселенцев появился новый слуга	247
<i>Глава VII.</i> Работы, которые не терпят отлагательства. — Мост через реку Благодарения. — Плато Кругозора превратится в остров. — Подъемный мост. — Сбор зерна. — Ручей. — Мостики. — Птичий двор. — Голубятня. — Онагры. — Упряжка. — Поездка в порт Воздушного шара	258
<i>Глава VIII.</i> Белье. — Обувь из тюленьей кожи. — Изготовление пироксилина. — Пересадка растений. — Рыбная ловля. — Черепашьи яйца. — Дядюшка Юп делает успехи. — Кораль. — Охота на муфлонов. — Новые богатства растительного и животного мира. — Воспоминание о далекой родине	267
<i>Глава IX.</i> Ненастье. — Гидравлический подъемник. — Изготовление оконного стекла и посуды. — Саговая пальма. — Поездки в кораль. — Прирост стада. — Вопрос журналиста. — Точные координаты острова Линкольна. — Предложение Пенкрофа	276
<i>Глава X.</i> Постройка судна. — Вторая жатва. — Охота на сумчатых медведей. — Новое растение, скорее приятное, нежели полезное. — Кит в море. — Гарпун из Вайнъярда. — Туша кита разделана. — На что употребили китовый ус. — В конце мая. — Пенкрофу больше ничего не нужно	286
<i>Глава XI.</i> Зима. — Валяние шерсти. — Сукновальня. — Неотвязная мысль Пенкрофа. — Приманки из китового уса. — Какую услугу может оказать альбатрос. — Горючее грядущих веков. — Топ и Юп. — Буря. — Разрушения на птичьем дворе. — Экскурсия на болото. — Сайрес Смит остается дома. — Исследование колодца	296
<i>Глава XII.</i> Оснастка бота. — Нападение диких собак. — Юп ранен. — Юпа лечат. — Юп поправился. — Постройка бота закончена. — Пенкроф торжествует. — «Бонадвентур». — Первое плавание к южному берегу острова. — Бутылка в море	306
<i>Глава XIII.</i> Решено плыть. — Предположение. — Сборы. — Три пассажира. — Первая ночь. — Вторая ночь. — Остров Табор. — Поиски на песчаном берегу. — Поиски в лесу. — На острове никого нет. — Животные. — Растения. — Жилье. — В домике пусто	317
<i>Глава XIV.</i> Опись вещей. — Ночь. — Несколько букв. — Поиски продолжаются. — Растения и животные. — Герберт избежал гибели. — На борту. — Отплытие. — Непогода. — Привычка сказывается. — Затеряны в море. — Спасительный свет	326
<i>Глава XV.</i> Возвращение. — Спор. — Сайрес Смит и неизвестный. — Порт Воздушного шара. — Третья жатва. — Ветряная мельница. — Мука и хлеб. — Самоотверженность инженера. — Испытание. — Слезы	336
<i>Глава XVI.</i> Необъяснимая тайна. — Первые слова незнакомца. — Двенадцать лет жизни на островке. — Признания. — Исчезновение. — Сайрес Смит не теряет веры. — Постройка ветряной мельницы. — Хлеб испечен. — Преданность. — Рукопожатие честных людей	344

<i>Глава XVII.</i> Всегда в одиночестве. — Просьба неизвестного. — Постройка фермы в корале. — Прошло двенадцать лет! — Боцман «Британии». — Покинутый на острове Табор. — Рукопожатие Сайреса Смита. — Загадочная записка	354
<i>Глава XVIII.</i> Беседа. — Сайрес Смит и Гедеон Спилет. — Идея инженера. — Электрический телеграф. — Провода. — Батарея. — Алфавит. — Лето. — Процветание колонии. — Фотография. — Мнимый снег. — Два года на острове Линкольна	364
<i>Глава XIX.</i> Воспоминания о родине. — Надежды. — Планы исследования побережья. — 16 апреля — день отплытия. — Вид с моря на полуостров Извилистый. — Базальтовые скалы на западном берегу. — Непогода. — Наступление ночи. — Еще одна загадка	374
<i>Глава XX.</i> Ночь в море. — Залив Акулы. — Признание. — Подготовка к зиме. — Ранняя зима. — Холода. — Колонисты работают дома. — Полгода спустя. — Фотографический снимок. — Неожиданность	383

Часть третья **ТАЙНА ОСТРОВА**

<i>Глава I.</i> Гибель или спасение? — Срочный вызов Айртона. — Важный спор. — Это не «Дункан». — Подозрительный корабль. — Необходимо принять меры. — Корабль приближается. — Пушечный выстрел. — Бриг становится на якорь! — Наступление ночи	392
<i>Глава II.</i> Совещание. — Предчувствие. — Предложение Айртона. — Предложение принято. — Айртон и Пенкроф на островке Спасения. — Норфолкские каторжники. — Их планы. — Героическая попытка Айртона. — Возвращение. — Шестеро против пятидесяти	402
<i>Глава III.</i> Туман рассеивается. — Распоряжение инженера. — Три поста. — Айртон и Пенкроф. — Первая шлюпка. — Еще две других. — На островке. — Шестеро пиратов на суше. — Бриг снимается с якоря. — Батарея «Быстрого». — Надежды нет. — Неожиданная развязка	413
<i>Глава IV.</i> Колонисты на берегу. — Айртон и Пенкроф спасают то, что можно спасти. — Беседа за завтраком. — Рассуждения Пенкрофа. — Тщательный осмотр брига. — Крюйт-камера уцелела. — Новые богатства. — Последние остатки. — Обломок металлического цилиндра	424
<i>Глава V.</i> Выводы инженера. — Грандиозные планы Пенкрофа. — Надземная батарея. — Четыре выстрела. — Разговор об уцелевших пиратах. — Колебания Айртона. — Великодушие Сайреса Смита. — Пенкроф не без сожаления сдает позиции	435
<i>Глава VI.</i> Проект экспедиции. — Айртон в корале. — Посещение порта Воздушного шара. — Замечания Пенкрофа на борту «Бонадвентура». — В кораль послана депеша. — Айртон не отвечает. — Выступаем завтра. — Почему бездействует телеграф? — Выстрел	443
<i>Глава VII.</i> Журналист и Пенкроф в корале. — Герберта переносят в дом. — Отчаяние моряка. — Инженер и журналист совещаются. — Курс лечения. — Наконец-то появилась надежда. — Как предупредить Наба? — Верный посланец. — Ответ Наба	453
<i>Глава VIII.</i> Пираты бродят вокруг коралья. — Временное жилище. — Дальнейшее лечение Герберта. — Первые восторги Пенкрофа. — Разговоры о прошлом. — Что сулит будущее. — Мысли Сайреса Смита на этот счет	461

<i>Глава IX.</i> От Наба нет известий. — Предложение журналиста и Пенкрофа отвергнуто. — Вторая вылазка Гедеона Спилета. — Обрывок ткани. — Послание. — Спешный отъезд. — Прибытие на плато Кругозора	466
<i>Глава X.</i> Герберт снова в Гранитном дворце. — Рассказ Наба. — Сайрес Смит отправляется на плато Кругозора. — Разгром и опустошение. — Безоружны перед болезнью. — Ивовая кора. — Смертоносная лихорадка. — Топ опять лает!	475
<i>Глава XI.</i> Необъяснимая тайна. — Выздоровление Герберта. — Подготовка к экспедиции. — Первый день. — Ночь. — Второй день. — Каури. — Казуары. — Следы в лесу. — Прибытие на Змеиный мыс	482
<i>Глава XII.</i> Исследование полуострова Извилистого. — Лагерь около устья Водопадной речки. — В шестистах шагах от коралля. — Гедеон Спилет и Пенкроф идут в разведку. — Их возвращение. — Вперед! — Открытая дверь. — Огонек в окне. — При свете луны	491
<i>Глава XIII.</i> Рассказ Айртона. — Планы его бывших сообщников. — Захват коралля. — Вершитель правосудия на острове Линкольна. — «Бонадвентур». — Поиски вокруг горы Франклина. — Верхние долины. — Подземный гул. — Ответ Пенкрофа. — На дне кратера. — Возвращение	500
<i>Глава XIV.</i> Прошло три года. — Вопрос о постройке нового корабля. — Решение. — Колония процветает. — Судостроительная верфь. — Холода в Южном полушарии. — Пенкроф смиряется. — Стирка белья. — Гора Франклина	511
<i>Глава XV.</i> Пробуждение вулкана. — Летняя пора. — Возобновление работ. — Вечер 15 октября. — Телеграмма. — Просьба. — Ответ. — Скорее в кораль! — Записка. — Второй провод. — Базальтовые скалы. — В часы прилива. — В часы отлива. — Пещера. — Ослепительный свет	519
<i>Глава XVI.</i> Капитан Немо. — Первые его слова. — История героя, боровшегося за независимость родины. — Ненависть к захватчикам. — Спутники капитана Немо. — Жизнь под водой. — Одиночество. — Остров Линкольна — последнее убежище «Наутилуса». — Таинственный гений острова	534
<i>Глава XVII.</i> Последние часы капитана Немо. — Воля умирающего. — Подарок друзьям, которые знали его лишь один день. — Гроб капитана Немо. — Советы остающимся. — Последние минуты. — В пучине морской	543
<i>Глава XVIII.</i> Размышления колонистов. — Возобновление работ на верфи. — Первое января 1869 года. — Столб дыма над вулканом. — Первые признаки извержения. — Айртон и Сайрес Смит направляются в кораль. — Исследование пещеры Даккара. — Что сказал капитан Немо Сайресу Смигу	552
<i>Глава XIX.</i> Рассказ Сайреса Смита о его наблюдениях. — Постройку судна ускоряют. — Последний раз в корале. — Битва огня и воды. — Что осталось на острове. — Спуск корабля. — Ночь с 8 на 9 марта	565
<i>Глава XX.</i> Одинокая скала среди океана. — Последнее убежище. — Впереди — смерть. — Нежданная помощь. — Откуда и как она явилась. — Последнее благодеяние. — Остров на суше. — Могила капитана Немо	576